

Ю. А. СЛЕЗКИН

ДВЕ СЕМЬИ

ПОВЕСТЬ

JORGE SLESKIN

DOS FAMILIAS

Все права за автором сохранены.

Ю. А. СЛЕЗКИН

Д В Е   С Е М Ь И

ПОВЕСТЬ

**Буэнос Айрес
1961**

О Т А В Т О Р А

Выпуская в свет эту книгу, посвященную РУССКОМУ ОФИЦЕРУ, я прежде всего считаю своим долгом с глубокой признательностью отметить ту действенную помощь в этом начинании, которую мне оказали мои дорогие друзья — Татьяна Вадимовна Петровская и полковник Гавриил Анатольевич Доленга-Ковалевский, создавшие материальную базу для печатания книги, а Татьяна Вадимовна, кроме того и вложившая свой жертвенный труд по печатанию рукописи на пишущей машинке.

А в т о р.

РУССКОМУ ОФИЦЕРУ, — БЕССМЕННОМУ ЧАСОВОМУ НА СТРАЖЕ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА РОССИИ, — ПОСВЯ- ЩАЕТСЯ ЭТА КНИГА

”Мы часовые у старого Знамени,
Старого Знамени чести России,
Мы пронесли его в буре и пламени,
Мы не боимся людей и стихии...“
(Стих. кн. Ф. Касаткина-Ростовского).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Два разных мира, два взаимно отталкивающихся духовно полюса — представляло собою русское общество дореволюционной эпохи.

Одни — верные сыны России, которые, не мудрствуя лукаво, честно служили своему Царю и Родине и неизменно стояли на страже национальных идеалов и интересов России.

Это те русские офицеры, которые на всех этапах нашей истории, вписывая на ”полях чести“ новые славные страницы, способствовали величию и славе своей Родины. Это те скромные капитаны и поручики, которые, заброшенные на далекой окраине нашей беспредельной Родины, в какой-нибудь ”забытой“ крепости ”Кушка“, в суровых условиях жизни, вдали от цивилизации, незаметно, без пафоса, делали свое большое русское дело, зорко оберегая наши границы. Это те, наконец, доблестные офицеры — рыцари Белой Идеи, — которые в годы русского лихолетья единственные не побоялись бросить свой гордый вызов обнаглевшему красному хаму и встали, с оружием в руках, на защиту чести России.

Другие — оторванная от русских корней наша, так называемая "прогрессивная интеллигенция", которая, не дав сама Родине ничего конструктивного, все свои силы приложила лишь к подрыванию тысячелетних основ ее государственности.

Это те пустые болтуны, которые в погоне за химерной "Синей Птицей" — Свобода-Равенство-Братство, — сами посягали на "свободу" каждого инакомыслящего, устанавливали "равенство" только по худшим и искали "братства" вне своего собственного народа. Это те слепцы, которые, не умея ценить своего (русского), готовы были раболепно преклоняться перед всем чужим (западным), как бы оно ни было чуждо русскому народу. Это те, наконец, предатели, которые в дни наибольшего военного напряжения своей страны, отравляли по петербургским "салонам" и бульварам или с высоты думской трибуны "общественное мнение" России потоками самой гнусной и лживой клеветы, толкая свою Родину в страшную пропасть, а при первом же грозном окрике из "Смольного", трусливо бежали, унося за границу свои пустые головы и полные чемоданы.

Силы созидательные — и силы разрушительные.

Победили последние, ибо располагали в своем "арсенале" тем оружием, которое в наш "счастливый" век оказалось на-иболее действительным: — Предательство — Ложь — Клевета.

Еще не настало время суду истории вынести свой окончательный справедливый приговор, воздав каждому по заслугам его.

Но верю я, что придет день, когда беспристрастный русский летописец, раскрыв "Книгу Живота", занесет в нее страницу, посвященную РУССКОМУ ОФИЦЕРУ, вещая грядущим поколениям об его жертвенном служении России. Тем же отщепенцам, которые в безумии своем, приложили свою руку к Голгофе России, беспощадная История ответит заслуженное ими позорное место.

А В Т О Р

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

По мере того, как стрелка стенных часов приближалась к 8 часам (время прибытия вечернего поезда из Харькова), волнение старого отставного подполковника Павла Александровича Соболева все возрастало, и глаза его каждую минуту поднимались к циферблату часов, как бы желая ускорить ход неумолимого времени. Вопреки всем законам логики, еще не позволяющим ждать прихода поезда, он то и дело подходил к окну, напряженно вглядываясь в его темноту. Наконец, именно в тот момент, когда он меньше всего того ожидал, в передней раздался громкий, энергичный звонок и послышались шаркающие шаги шедшего отворять дверь старого слуги Григория. Сразу засуетившись и одергивая на ходу свою старенькую тужурку, подполковник поспешил в переднюю, откуда уже слышался громкий молодой голос приехавшего, здоровающийся со старым Григорием.

В передней, снимая шинель, стоял высокий красивый молодой офицер в новенькой с иголочки гусарской форме — сын подполковника Соболева, которого он с таким нетерпением ожидал сегодня из Петербурга, после производства последнего в офицеры.

Отец и сын сразу рванулись навстречу, замерли в объятиях друг у друга и нежно расцеловались...

— Ну вот ты и приехал! Уже офицер! Ну, дай-ка на себя хорошенько поглядеть! — дрожащим от радостного волнения голосом говорил отец, нежно любуясь своим сыном.

Владимир (так звали молодого Соболева) действительно был очень хорош собою: высокого роста, прекрасно сложенный, с выразительным лицом, он сразу располагал к себе открытым взглядом своих больших карих глаз под темными прямыми бровями и брызжущей из него жизнерадостностью.

Старый Григорий, бывший денщиком у подполковника и оставшийся у него после отбытия своей военной службы, на глазах которого родился и вырос молодой Соболев, стоял в сторонке, вытирая увлажнившиеся глаза.

— А ведь молодец?! Правда, Григорий?! — несколько раз повторял старый подполковник, не будучи в силах оторвать глаз от сына. — А я, брат, хотел поехать на вокзал тебя встретить, да вот проклятая нога что-то расшалилась! Ну, идем закусить с дороги!

Перейдя в столовую, отец и сын уселись за стол, на который Григорий устанавливал кипящий самовар и разные домашние закуски. За ужином Владимир с увлечением рассказывал отцу о последних днях в Училище и незабываемом дне производства в офицеры. Налив себе и сыну по стакану припасенного на этот случай шипучего "Цимлянского", старый подполковник встал и, повернувшись лицом к висевшему на стене большому портрету Государя, дрожащим от волнения голосом, громко провозгласил:

— За здоровье Августейшего Вождя армии, Его Императорского Величества Государя Императора — ура!

Выпив с сыном залпом свои стаканы, подполковник вновь наполнил их и, увидя входившего с блюдом Григория, крикнул ему:

— А ну-ка дай, Григорий, еще стакан и выпей с нами за здоровье молодого корнета!

Растроганный, согретый отцовской лаской, Владимир об-

нял и расцеловал отца и старого верного Григория, который тоже был как бы членом семьи, с которой он за долгие годы сжился, отдав ей без остатка свое преданное солдатское сердце.

Подполковник Павел Александрович Соболев так же, как еще и его отец, служил когда-то в том же самом полку, в который теперь вышел его сын. После смерти жены, оставившей на его руках шестилетнего сына, подполковник должен был, скрепя сердце, оставить службу в полку, чтобы заняться воспитанием мальчика, оставшегося без материнского надзора.

Выйдя в отставку, он поселился с маленьким Владимиром и не оставившим его Григорием в принадлежащем ему доме в одном из патриархальных губернских городов Юга России. Домик был небольшой, одноэтажный, но очень уютный и вполне отвечал вкусам и привычкам своего хозяина, перенесшего в него все, что напоминало ему об оставленном горячо любимом полку: наряду с большим портретом умершей жены и фотографиями сына в детском возрасте, стены комнаты были увешаны портретами самого Павла Александровича и полковыми группами в разные этапы военной службы подполковника. В стеклянной витрине буфета стояли два серебряных кубка — призы за выигранные им скачки. На стене кабинета висела большая, исполненная масляными красками, картина, изображавшая любимую скаковую лошадь подполковника. Над диваном, на ковре было развешено разное холодное и огнестрельное оружие, в том числе несколько кавказских клинков и две скрепленные гусарские сабли. На небольшой тумбочке стояла шкатулка с двумя дуэльными пистолетами старинной чеканки. Даже строевое офицерское седло с оголовьем, на деревянных козлах, занимало почетное место в углу передней.

Рано потеряв горячо любимую жену, старый Соболев всю силу своей привязанности перенес на маленького сына, в котором он прямо души не чаял. До девятилетнего возраста Владимир воспитывался дома, для чего к нему была приглашена гувернантка-немка. Позже подполковник предполагал от-

дать сына в кадетский корпус, считая это лучшей воспитательной школой для мальчика.

Маленький Владимир отвечал отцу горячей любовью и прямо боготворил его, видя в отце совершенный для себя идеал, достигнуть который было его страстным желанием. Разлука с отцом при определении его в кадетский корпус, была его первым сознательным горем, которое он остро переживал. Прощаясь с отцом в приемной корпуса и обнимая его, он не мог сдержать горьких слез. С трудом оторвавшись от отца, глотая слезы, он обещал ему хорошо себя вести и часто писать. Первое время мальчик сильно тосковал по отцу и родному дому, но постепенно здравая корпусная обстановка и товарищи, которых он нашел в корпусе, смягчили горечь разлуки.

Зато какой радостью для него были рождественские и пасхальные праздники или летние каникулы, когда он приезжал домой во всем блеске своего кадетского мундира! Не было для мальчика большего удовольствия, как усестись с отцом в его уютном кабинете и слушать без конца увлекательные рассказы про полк, походы, маневры и скачки. Десясь с сыном воспоминаниями из свей прошлой службы, старый Соболев попутно закладывал в его душу сознание чувства долга и чести, прививал ему рыцарские взгляды и развивал в нем понятия истинного товарищества. Он передал сыну свою глубокую преданность Государю и горячую любовь к России. Учил служить Им, забывая себя. Внушал ему чувство национальной гордости и интерес к русской истории.

Так, в духовном общении с горячо любимым отцом, под благотворным влиянием прекрасной воспитательной системы кадетского корпуса, рос Владимир, и складывался его духовный облик. Незаметно промелькнули кадетские годы, и подошло время поступления в Кавалерийское Училище, в которое, следуя семейной традиции, отдавал Павел Александрович сына, чтобы продолжить в кавалерии "династию" Соболевых. Прекрасно подготовленный и с детства страстно любивший лошадь, Владимир Соболев шел в Училище одним из первых.

и, окончив его взводным портупей-юнкером, смог взять вакансию в желанный полк.

2.

В том же городе, где жил Павел Александрович Соболев, проживала семья его дальнего родственника со стороны покойной жены — Александра Ивановича Хлюстина.

Хлюстин владел в той же губернии большим родовым имением, приносившим ему довольно значительный доход, но сам он деревни не любил, почти никогда там не бывал, а зиму обычно проживал в своем большом двухэтажном городском доме, летом же большей частью уезжал "лечиться" куда-нибудь за границу, хотя и располагал завидным здоровьем. Вполне обеспеченная жизнь, однако, не мешала ему в то же время быть "либералом" и беспощадно критиковать тот государственный строй, который не только позволял ему безбедное существование, но и давал возможность удовлетворять свои многочисленные прихоти. Широко пользуясь средствами, которые ему достались без всякого труда, он ничего не делал, чтобы как-то оправдать свою праздную жизнь. Пренебрежительно приравнивая Россию к самым "отсталым" странам и тенденциозно приписывая правительству стремление держать народ "в темноте и нищете", сам он, однако, палец о палец не ударил, чтобы как-то улучшить быт крестьян в своем собственном имении и даже вообще не знал, как они там живут и в чем заключаются их насущные нужды.

В свое время Александр Иванович окончил естественный факультет, но образование свое ни к чему не приложил, нигде не служил, ничем не интересовался и даже ничего, кроме газет, не читал, а все свое время проводил в ничегонеделании и брезжании, хотя и причислял себя к "прогрессивной" части общества. Ко всему русскому он относился с брезгливой иро-

нией, презрительно называя "квасными патриотами" тех, кто, в отличие от него, выказывали любовь к России, признание ее богатей культуры. Среди своих знакомых он слыл за убежденного "западника", что ему очень льстило, хотя все его знакомство с "Западом" и не шло дальше знания Парижских ночных кабачков, рулетки в Монте-Карло и заграничных модных курортов, — которые, как бы малы и убоги они ни были, он предпочитал природным красотам Крыма и Кавказа или деревенскому уюту своего живописного имения. В политике он держался "радикальных" взглядов и был убежденным сторонником установления в России парламентарного строя по образцу Англии, горячим поклонником которой он был, при чем себе он, разумеется, в этом случае отводил отвечающее его "дарованиям" ответственное положение. Газеты он читал только либеральные, оппозиционные правительству. Военных презирал и не любил, считая "бурбонами" и "реакционерами", почему в его доме бывали преимущественно представители так называемого "передового общества".

Семья Хлюстиных состояла из него самого, его супруги Веры Сергеевны — эмансипированной дамы средних лет, большой поборницы "женского равноправия", философского склада ума, читающей Спенсера (что в ее глазах было доказательством высшего развития), и, в то же время, помешанной на "хорошем тоне" и этикете, — сына-студента Николая и дочери Милочки. Сын проживал в Петербурге и редко баловал родных своими приездами, предпочитая беззаботную жизнь обеспеченного студента в Петербурге, что, несмотря на либеральные взгляды Веры Сергеевны, все же заставляло страдать ее материнское сердце. Милочка жила дома, кончала гимназию и, несмотря на довольно равнодушное отношение Веры Сергеевны к своим материнским обязанностям, горячо любила мать и была к ней привязана, стараясь не замечать ее недостатков. Будучи сам далеко не примерным семьянином, Александр Иванович всегда защищал перед Верой Сергеевной отсутствие у сына "родственной нежности" и находил оправдание его редких приездов домой, доказывая, что семья ни в коем случае не должна посягать на свободу и самостоятельность мужчины, имеющего свои "высшие запросы". И когда для удов-

летворения этих "высших запросов" от сына приходили письма с требованием присылки все больше и больше денег, Александр Иванович, хоть и морщился, но все же их ему высылал.

Семьи Соболевых и Хлюстиных никогда не были близки между собой и лишь "постольку-поскольку" поддерживали родственные отношения.

Приехав после своего производства в офицеры к отцу, Владимир только по его настоянию, из вежливости, нанес визит Хлюстиным и был прямо поражен той переменной, которую он нашел в Милочке. Когда он видел ее в последний раз, это была еще почти девочка с двумя темно-русыми косичками, в белом гимназическом передничке. Теперь она, незаметно для него, превратилась в очаровательную молоденькую барышню. Ее хрупкая фигурка, хорошенькое личико с парой удлиненных, цвета морской воды, глаз под дугой темных бровей, красивая модная прическа с выбивающимися непокорными локонами, сочетаясь с мягкой грацией ее движений, — все было гармонично и сразу пленило Владимира.

Вера Сергеевна, хоть и оценила прекрасные манеры Владимира, встретила своего племянника довольно равнодушно, лишь на минуту оторвавшись от чтения какого-то нового трактата по "женскому вопросу", чтобы с ним поздороваться. Александр Иванович пренебрежительно шурясь на офицерские погоны Владимира, иронически процедил:

— А, будущий Суворов! Оплот и защита "дорогого Отечества"! — и с кислой миной подставил ему щеку для поцелуя. Николай, еле поздоровавшись с троюродным братом, ушел сейчас же в свою комнату, и только Милочка, видимо, была рада приезду своего интересного кузена, хотя немного и стеснялась его.

Встреча с хорошенькой кузиной произвела на Владимира довольно сильное впечатление, и визит к Хлюстиным, к которому он с такой неохотой сперва принудил себя, стал ему казаться не таким уж обременительным, и он даже начал выис-

кивать предлоги повидать Милочку еще не раз перед своим отъездом в полк. Повидимому, и Милочка не осталась равнодушной к красивой внешности и открытому, веселому характеру своего троюродного брата, и когда, после первого визита, в передней раздавался звонок, который она уже без ошибки научилась узнавать, ее сердце начинало биться сильнее. Владимир, хотя и замечал более чем равнодушное к нему отношение семьи Хлюстиных и сам в душе питал инстинктивную антипатию к Александру Ивановичу и Николаю, все же продолжал посещать своих родственников ради Милочки.

Павел Александрович Соболев, чутко наблюдавший за Владимиром и замечавший зарождающееся его увлечение Милочкой, в душе своей этому не сочувствовал, будучи очень отрицательного мнения о своих родственниках, но ничего не говорил сыну, полагая, что скорый отъезд его в полк положит конец "блажи", каковой он считал это увлечение.

3.

Тем временем срок отпуска, положенного после производства в офицеры, подходил к концу, и приближался день отъезда.

Полк, в который вышел молодой Соболев, был одним из старейших в русской коннице. Расквартирован он был в маленьком глухом городке, в сутках езды от города, где жили Соболевы. По мере приближения дня явки в полк, Владимир начал волноваться: как-то его там примут и какое он сам произведет впечатление?! Отлично понимая состояние сына, Павел Александрович старался его подбодрить, описывая какую дружную семью он встретит в полку, и тут же старался вспомнить, кого еще из его старых сослуживцев мог там застать Владимир.

Наконец настал и день отъезда. Когда к крыльцу подъе-

хал заранее заказанный извозчик, старый подполковник, соблюдая русский обычай, сел сам на стул и велел сесть Владимиру и старому Григорию. Поднявшись, он несколько раз перекрестил сына, крепко его обнял и бодрым, несмотря на волнение, голосом сказал:

— Ну, Володя, поезжай с Богсм! Служи верою и правдою Государю и Родине. Ты едешь в хороший, доблестный полк, в котором служили два поколения Соболевых. Пиши мне почаще и помни, что душою я всегда с тобой!

После третьего звонка, в последний раз сбняв провожавшего его на вокзал отца, Владимир бодро вскочил на площадку своего вагона и, высунувшись с нее, еще долго, покамест было видно, следил глазами за стоявшим на платформе и махавшим ему фуранкой отцом. Когда станция совсем скрылась из глаз, он вошел в свое купэ и, как-то сразу успокоившись, стал смстреть в окно на мелькавший пейзаж родной Полтавщины. Через сутки, утром, поезд остановился на маленькой станции, от которой в трех верстах был расположен городок, где стоял Н-ский гусарский полк.

Когда Владимир на дребезжащей извозчичьей 'пролетке' въехал на улицы городка и ему навстречу стали попадаться молодцеватые, щеголеватые гусары его полка, лихо отдававшие честь проезжавшему молодому офицеру, сердце Владимира наполнилось счастьем и гордостью от сознания и сьсей принадлежности к этому "несравненному, самому лучшему" полку!!

Остановившись в единственной в городишке гостинице, "Европа", Владимир умылся, переоделся в служебную форму и направился в штаб полка, чтобы явиться по начальству. В полковой канцелярии он представился полковому адъютанту — элегантному, выхоленному штабс-ротмистру Бронскому, который провел его к командиру полка. В служебном кабинете командира, просматривая бумаги, сидел за столом представительный, моложавый полковник — князь Дарьялов. Приняв рапорт корнета Соболева, он приветливо с ним поздоровался

и, задав несколько вопросов, приказал адъютанту назначить вновь прибывшего офицера в 1-й эскадрон к ротмистру Орленеву.

Выйдя от командира полка, Владимир увидел в канцелярии группу пришедших офицеров и подошел к ним представиться.

— А, Соболев! Ну, дай я тебя обниму! Соболевы — это наши коренные Н-ские гусары! А тебя я ведь еще вот каким помню!

С этими словами Владимира дружески обнял и поцеловал плотный седой полковник с пышными гусарскими усами и располагающим, благодушным лицом. Это был полковник Барсов — давнишний приятель Павла Александровича. Здесь же оказался и ротмистр Орленев, в чей эскадрон был назначен молодой Соболев.

Взглянув на свои часы, полковник Барсов воскликнул:

— А, уже адмиральский час! Пора, господа, идти в Собрание водку пить!

И дружески подхватив под-руку Владимира, он повел его в находящееся рядом Полковое Офицерское Собрание, где уже собирались, в ожидании обеда, все бессемейные офицеры полка.

Как в самой близкой, родной семье почувствовал себя Владимир, и началась для него новая, полная очарования жизнь в "своем полку", с которым он был кровно связан двумя поколениями своих предков.

Отдавшись всем сердцем, без остатка, так отвечающей его душевному влечению службе, Владимир скоро освоился с новой для него жизнью, войдя во все полковые интересы. Способный и исполнительный офицер, он был на отличном счету у начальства и быстро сблизился со своими полковыми товарищами. Солдаты-гусары 1-го эскадрона тоже скоро полюбили своего молодого корнета за его благодушие, веселый характер и лихость в езде, рубке и вольтижировке, и за глаза уже

любовно называли его "наш корнет Володя".

Всеми своими радостными переживаниями Владимир неизменно делился с отцом, которому часто писал длинные, восторженные письма, подробно описывая полковую жизнь и передавая приветы от тех, кто знал старого Соболева.

Получая от сына дорогие для него строки, старый подполковник звал своего преданного Григория и, смахивая предательскую слезинку, по нескольку раз перечитывал ему особенно трогавшие его места, умиленно говоря:

— Слушай, Григорий, что пишет Владимир Павлович про полк! Не все еще забыли меня! Остался в полку еще кое-кто из стариков, кто был при мне! Помнишь полковника Барсова, тогда он был еще ротмистром?! И старый вахмистр Архипов все еще в 1-ом эскадроне, да ведь ему уже наверно будет под шестьдесят!?

Раза два, получив кратковременный отпуск, приезжал Владимир к отцу, и каждый раз находил предлог, чтобы побывать у Хлюстиных и повидать Милсчку, которая тоже всегда бывала рада приезду своего веселого троюродного брата.

4.

Осенью, после длительного отсутствия, неожиданно, без предупреждения к родным приехал Николай Хлюстин, за какие-то студенческие беспорядки, зачинщиком которых был он, административно высланный из Петербурга.

Настроенный "оппозиционно" к правительству, Александр Иванович обрадовался приезду сына, рассчитывая в нем встретить недостающего ему внимательного и понимающего слушателя его бесконечной, нудной критики всего русского и са-

мой России, которую он иначе не называл, как "эта азиатская страна". Он был уверен, что сын, как человек "передовой" и притом "пострадавший за убеждения", лучше, чем кто-либо другой сумеет понять и оценить ту, им продуманную, систему "благодетельных реформ", которая единственно смогла бы "оздоровить" и "поднять на европейский уровень" нашу "отсталую" Россию, если бы только послушали его — Александра Ивановича Хлюстина!

Упиваясь своим красноречием, Александр Иванович не замечал, что сын давно его не слушает и только досадливо морщится и зевает. Наконец, Николай, не дослушав какой-то запутанной ахины, которую нес Александр Иванович, бесцеремонно прервал его излияния и безапелляционно заметил:

— Ах, отец, теперь не время для вашей слащавой "маниловщины"! Мы лучше вас знаем, что надо делать, вы нам только не мешайте!

Александр Иванович замолк, обидчиво поджал губы и досадливо прошелся по комнате. Выйдя от сына, он долго потом надоедал Вере Сергеевне своими сентенциями о досадном "отрыве" нового поколения от "настоящего прогрессивного общества", к которому он, конечно, в первую очередь причислял себя.

5.

В конце октября 1913 года ***-ское губернское общество готовилось к самому блестящему балу сезона, который должен был быть дан в Дворянском Собрании по случаю переизбрания на новое трехлетие губернского предводителя дворянства — графа Р.

Во всех семьях, где только были барышни-невесты, шли

к этому дню большие приготовления и хлопоты, и втайне на этот бал возлагались большие "надежды".

Дом Хлюстиных не представлял в этом отношении исключения, и там тоже шли усиленные приготовления, так как это был первый "большой" бал, на который Вера Сергеевна решила повезти Милочку, только что окончившую гимназию.

Под личным наблюдением Веры Сергеевны, домашняя портниха — Марья Семеновна, — которой одной доверяла Вера Сергеевна, — шила для Милочки белое бальное платье. (Вера Сергеевна, несмотря на свою эмансипацию, все же придерживалась старинного взгляда — что на свой первый бал молодая девушка может надеть только белое платье). Платье по замыслу Веры Сергеевны и Марьи Семеновны должно было быть просто "мечтой" из белого газа.

Милочка тоже очень волновалась перед этим своим первым "настоящим" балом, который сулил ей столько радостного, тем более, что Владимир Соболев обещал приехать на этот бал с несколькими товарищами и уже заранее пригласил Милочку на "первый вальс". Александр Иванович, со своей стороны, дал согласие везти дочь на бал, и только Николай отказался сопровождать их, сказав, что у него нет охоты терять время на такие глупости.

Наконец, после всех неизбежных в таких случаях волнений и страха, платье было к назначенному дню готово и полностью оправдало доверие Веры Сергеевны к своей домашней портнихе, так как действительно удалось на редкость. Под присмотром Марьи Семеновны, которая с сознанием своего непоколебимого авторитета, осматривала произведение своих рук, Милочку начали облачать в это воздушное "облако" белого газа. Платье было прелестно и очень шло Милочке, которая выглядела в нем, как нежная белая лилия.

В день бала, с 11 часов вечера к зданию Дворянского Собранин начали подкатывать одна за другой кареты и коляски, высаживая нарядную толпу дам и барышень и сопровож-

давших их мужчин, которые непрерывным потоком устремлялись в широкие двери вестибюля. Около 12 часов ночи огромный, ярко освещенный зал Собрания почти наполнился приглашенными, которые оживленно болтая и разыскивая в толпе знакомых, рассаживались под колоннами вдоль длинных стен зала. Светлые бальные туалеты дам, перемешиваясь с черными фраками штатских и блестящими парадными мундирами военных, придавали особенно торжественный вид этому многолюдному оживленному собранию.

Владимир Соболев в своем красивом голубом гусарском доломане, расшитом золотыми шнурами, стоял с группой товарищей в конце зала, с интересом разглядываядвигающуюся блестящую, оживленную толпу и любясь красивыми туалетами и лицами, — как одна казавшихся сегодня хорошенькими — дам.

Но вот с высоких хор, на которых расположился военный оркестр, раздались торжественные звуки "полонеза" и, по знаку дирижера танцев, длинный ряд пар — одна за другой — плавно двинулся по залу в такт музыки.

В этот момент в дверях зала показались только что приехавшие Хлюстины.

Появление Хлюстиных было сразу замечено, и взгляды мужчин и дам впились в Веру Сергеевну и Милочку, оценивая каждый "под своим углом" их наружность и туалеты. Милочка, как никогда прелестная, в своем воздушном белом платье с небольшим вырезом на груди и оголенными нежными девичьими плечами и руками, с блиставшими юным очарованием прекрасными глазами и полураскрытыми в радостной улыбке губами, ослепила Владимира, и он с нескрываемым восхищением любовался ею. Вера Сергеевна в своем низко вырезанном темно-малиновом бархатном платье, которое выигрышно оттеняло ее еще сохранившиеся черты лица и фигуру, выглядела очень авантажно, да и Александр Иванович в черном фраке был очень представителен.

Подлетев к Хлюстиным, Владимир поцеловал руку Вере

Сергеевне и, поздоровавшись с Александром Ивановичем и Милочкой, представил им своих товарищей.

В этот момент замолк полонез, и с хор слышались томные звуки модного вальса "Осенний сон". Дирижер танцев — офицер Преображенец, — подхватив эффектную красавицу — супругу предводителя дворянства, открыл с ней первый вальс, увлекая за собой все новые и новые пары. Щелкнув шпорами, Владимир поспешил пригласить Милочку на обещанный ему вальс.

Танец сменялся танцем, и Владимир почти все время танцевал с одной Милочкой, все больше и больше теряя голову от своей очаровательной кузины, которая сияла прелестью своей только что распустившейся юности, и под его любующимся, ласкающим взглядом расцветала как цветск под лучами солнца. Лишь изредка уступал он ее кому-нибудь из товарищей, не переставая следить за ней восхищенными глазами. Сегодня, как никогда, он чувствовал себя влюбленным!

Во время последнего вальса, который Владимир опять танцевал с Милочкой, он не мог больше сдерживать переполнявших его чувств, и когда склоненная к нему в вальсе прелестная головка была так близко от его лица, с губ его сорвались слова самого пылкого, безрассудного признания... Милочка побледнела и закрыла глаза, почти теряя сознание... Слова Владимира звучали в ее ушах как самая сладкая музыка.

Провожая Хлюстиных и усаживая их в карету, Владимир нежно пожал ручку Милочки и украдкой ее поцеловал, покамест Хлюстины рассаживались на своих местах.

В эту ночь Милочка долго не могла заснуть, и образ Владимира неотступно стоял перед ее глазами.

Владимир тоже вернулся с бала под сбоянием своей прелестной кузины, и весь следующий день был рассеян и задумчив, невпопад отвечая на вопросы отца. Павел Александрович, замечая перемену в сыне, только озабоченно покачивал

головой, считая, что Владимир еще слишком молод, чтобы уже связывать с кем-нибудь свою жизнь, да и семья Хлюстиных была ему глубоко антипатична.

К счастью для Владимира, полк и служба настолько его заполняли, что были лучшим лекарством против преждевременной влюбленности. По возвращении полковые дела, товарищи, предстоящие смотры и маневры вновь заняли все его мысли, и нежный грациозный образ Милочки отходил в них все дальше и дальше, оставаясь лишь красивой, поэтической мечтой.

6.

В полку нашел Владимир тот идеал и гармонию, к которым так стремилась его душа, воспринимая все то, что рассказывал и внушал ему отец во время их долгих задушевных бесед в уютном кабинете Павла Александровича. Живое, увлекающее дело, интересы полка, старые, — переходящие из поколения в поколение, — полковые традиции, — все это полностью захватило Владимира, не оставляя места каким-либо сомнениям и колебаниям. "Мир", замкнутый в рамках полка, был так ясен и понятен: — был родной, "единственный в мире полк", была "дружная полковая семья", в которой все друг друга близко знали, были известны все личные, служебные и семейные обстоятельства каждого офицера, было точно определено, как должен поступать при тех или других обстоятельствах офицер "их полка", были установлены особенности и свойства того или другого эскадрона, и было определено место "нашего полка"; среди других полков дивизии... И эта ясность и определенность в том, что непосредственно касалось полка, выходя из этих рамок, распространялась и на весь остальной окружающий "Мир", четко определяя взаимоотношения и чувства: кроме горячо любимого полка были другие полки доблестной Русской армии, была дорогая сердцу Рос-

сия, был обоготворяемый Царь! Между всем этим и делил свсю восторженную привязанность Владимир. На другой стороне, совсем вне этого "Мира", — были какие-то "мало интересные" штатские и вечно "мутящие воду", будирующие "социалисты" и прочие "левые".

7.

Незаметно пролетели для Владимира первые месяцы его пребывания в полку. Как и ежегодно, полк должен был в мае 1914 года выступить походным порядком под город А., где собиралась на летние лагерные сборы вся Х-ская кавалерийская дивизия. С этого времени для полков начинался "страдный" период дивизионных учений, полевой службы и маневров. Принявший недавно дивизию энергичный и строгий начальник — генерал Зарубаев — был известен в коннице как требовательный и знающий кавалерийское дело начальник. Он сильно подтянул полки дивизии в строевом отношении и, будучи сам большим знатоком лошади и спортсменом, стремился поднять конский спорт и среди офицеров дивизии, для чего требовал приобретения последними кровных лошадей.

В конце июня были назначены офицерские конные состязания, которые должны были закончиться большой трехверстной скачкой — "стипл-чезом" с семью серьезными препятствиями, и начальник дивизии требовал наиболее широкого участия офицеров в этих состязаниях.

Владимир, недавно купивший по совету ротмистра Орленева, который понимал толк в лошадях, кровную лошадь у уходящего в запас офицера уланского полка, должен был тоже принять участие в этих скачках. Чистокровная, караковая "Джиоконда" завода Сангушко, с первого же взгляда очень понравилась Владимиру, что, как известно, является необходимым условием при покупке лошади. (Инструктор езды в

Офицерской Кавалерийской Школе — Джемс Филис — всегда говорил: "Если вы купите лошадь, которая вам сразу не понравится, — вы никогда не будете ее любить!". Хотя "Джиоконда" и не была очень молодой (ей было уже около 6 лет), но была отличных статей, с небольшой красивой головой, с живыми глазами и с выпукло проступавшими под тонкой кожей сильными мышцами и хорошо отбитыми сухожилиями. По мнению ристмистра Орленева, у нее были все шансы на выигрыш скачки на большую дистанцию. До скачек оставалось еще около трех недель, и Владимир усиленно готовился к ним и готовил свою лошадь, делая на ней ежедневно резвые галопы и напрыгивая на препятствия.

Наконец, настал и день скачек. Ясное, безоблачное небо и легкий ветерок, смягчавший летнюю жару, как по заказу создавал самые благоприятные условия для скачущих.

К назначенному часу празднично разукрашенная живой зеленью и флагами "трибуна" дивизионного скакового круга начала заполняться нарядной публикой, прибывшей смотреть офицерские скачки. Полковые дамы, дачницы из близлежащего дачного поселка и весь "цвет" местного городского общества были тут, спеша занять места на "трибуне". Светлые, летние туалеты дам и барышень в сочетании с защитными кителями и синими и "краповыми" бриджами офицеров создавали праздничный колорит этому пригожему летнему дню. Со всех сторон слышался веселый смех и "щебетание" дам и девиц, кокетливо болтающих со своими галантными кавалерами. Почетное место на трубине занимал начальник дивизии, которого окружали командиры полков и более значительные представители городского общества.

Вокруг скакового круга расположились солдаты всех полков дивизии, пришедшие смотреть скачки своих офицеров. За кругом вестовые водили покрытых летними попонами лошадей, участвующих в скачках. Трубаچی всех четырех полков, попеременно, услаждали слух публики поппури из опер и оперет, вальсами и бравурными маршами.

Владимир участвовал только в последней скачке, и в ожи-

дании ее, с несколькими офицерами стоял в обществе молодых дам, ухаживая за хорошенькой женой одного из герцогских чиновников. Очаровательная его собеседница "безбожно" кокетничала со своим интересным кавалером и дарила его "многообещающими" взглядами.

— Что же я получу от вас в награду, если выиграю скачку? — смеясь спрашивал Владимир, в упор смотря на свою даму.

— Розу из этого букета! — был ответ бойкой дамы.

— Розу и только? Ну нет, этого мне мало! — смеялся Владимир, делая "влюбленные" глаза.

В этот момент ^{сигнал} сповестил начало первой двухвостной скачки, и глаза всех обратились к группе всадников, которые, выйдя со старта, пошли резво по кругу, беря по пути препятствия. На последней версте из идущей компактно группы офицеров вырвался драгунский шбатс-ротмистр Нестеровский и, идя впереди всех, на несколько корпусов пришел к столбу первым. Под гром аплодисментов он сдержал горячившуюся лошадь и съехал с круга. Следующим, по расписанию, состязанием был десятиверстный пробег по пересеченной местности с рядом разбросанных по ней естественных препятствий (плетней канав, срубленных и поваленных деревьев и т. п.). Выйдя из круга и описывая большую дугу в 10 верст, пятнадцать человек участников пробега, в походном снаряжении, на строевых седлах с полной укладкой, пошли сперва крупной рысью, а потом все увеличивая аллюр, следуя по маршруту, обозначенному воткнутыми в землю вехами. По мере приближения к конечному пункту пробега, всадники начали постепенно растягиваться и под конец борьба за первое место шла только между четырьмя участниками, которые шли уже послевым галопом. На последней полуверсте из этой группы вырвался вперед казачий подъесаул Половцев и, нахлестывая нагайкой своего покрывшегося белой пеной рослого Донца, пришел первым.

После небольшого антракта, во время которого специ-

альная команда солдат поправляла и повышала препятствия для следующего состязания, должна была состояться главная скачка дня — трехверстный "стипель-чез", на который записал свою "Джиоконду" Соболев.

Трубачи гусарского полка заиграли мелодичное псппурн из "Веселой вдовы".

Сигнал "садись" позвал участников последней скачки, и Владимир, откланявшись своей даме, направился к своей лошади, которая взволнованная присутствием чужих лошадей, нервничала и вырывалась из рук водившего ее вестового. Владимир знал, что самыми опасными соперниками его "Джиоконды" были рыжий "Фауст" уланского штабс-ротмистра Заруцкого и гнедая "Одалиска" есаула Долгова. Оба ездока, к тому же, были старые опытные спортсмены. Владимира очень тянуло посмотреть, в какой "форме" были главные соперники "Джиоконды", но скаковая этика не позволяла перед скачкой осматривать лошадей соперников, и он направился прямо к танцующей в руках вестового "Джиоконде". Упругим, эластич движением перенес ногу через круп лошади, Владимир уселся в седле и разобрал поводья. Заруцкий, Долгов и другие участники скачки тоже усаживались на своих лошадей. Почувствовав под собой любимую лошадь, в силы которой он верил, Владимира начал охватывать "спортивный жар".

По команде распорядителя скачек, все девять человек участников "стапель-чеза", на точных дистанциях предефицировали, отдавая честь мимо начальника дивизии и направились к старту. Стартер — высокий представительный уланский подполковник с большими подусниками, — начал выстраивать офицеров, чтобы пустить их со старта, но горячившиеся лошади долго не хотели выравниваться, нетерпеливо вырываясь вперед и их ездокам с трудом удавалось их сдержать и вернуть на место. Наконец, улучив момент, когда лошади подравнялись, стартер опустил вниз красный флажок и громовым голосом скомандовал: "Пошел!!" Лошади рванули, и живописная группа офицеров на рыжих, гнедых и караковых лошадях, сразу разравнявшись, понеслась по кругу, отбивая задними ногами лошадей комья земли и песок.

Вырвавшись вперед, скачку повел уланский штабс-ротмистр Заруцкий на своем могучем рыжем жеребце "Фаусте". За ним на резвой, но черезчур горячившейся гнедой "Фрине" шел драгунский поручик Фирсов, а на его хвосте, удерживая рвущуюся вперед "Одалиску" — есаул Долгов. Владимир на своей кровной "Джиоконде" был четвертым, приберегая силы лошади для решительного момента.

Легко перескочив через первое препятствие, — "чухонский барьер", — Заруцкий продолжал вести скачку. Один за другим перемахнув "чухонку", неслись за ним остальные всадники. Взяв второе препятствие — "земляную стенку" — всадники, прибавив ходу, пошли на искусственную речку, которую надо было брать настильно, на большом ходу. После речки был небольшой хворостяной барьер, а за ним самое серьезное препятствие — высокий, двухаршинный "шлагбаум". До "шлагбаума" всадники шли в том же порядке, но на этом препятствии горячившаяся "Фрина" поручика Фирсова не считала прыжка и, зацепив задними ногами за барьер, упала, придавив под собою своего ездока, не успевшего выдернуть ногу из стремян. Подбежавшие санитары подняли поврежденного ногу поручика Фирсова и вынесли его из круга. Еще одна лошадь, закинувшись, не пошла на барьер, и ее ездоку пришлось съехать с круга. Оставшиеся 7 участников уже шли на следующее препятствие — "каменную стенку". "Фауст" и "Одалиска" взяли ее почти одновременно, а за ними непосредственно прыгнул на своей "Джиоконде" Владимир, все еще удерживавший лошадь.

"Фауст" скоро выдохнется, останется одна "Одалиска". На прямой пред финишем постараюсь "обойти!" мелькнуло в Владимира.

После "каменной стенки", тяжеловатый "Фауст" действительно начал сдавать, и на первое место вышла "Одалиска" Долгова. Оставалось последнее препятствие — "двойной зеленый гердель", после которого начиналась гладкая "прямая" перед "финишем".

— Теперь пора! — подумал Владимир и начал "посылать"

свою, еще сохранившую запас сил "Джиоконду". Последний берьер "Одалиска" и "Джиоконда" взяли почти одновременно, остальные лошади начали понемногу отставать. Несколько секунд Долгов и Владимир шли рядом, из всех сил "посылая" лошадей вперед. Прерывистое дыхание последних показывало, что они уже шли из последних сил.

До призового столба оставалось всего 100 шагов. Работа безостановочно шенкелями и поводьями. Владимир "выбросил" "Джиоконду" вперед и на полкорпуса пришел к столбу первым. За ним Долгов был вторым.

Звуки гусарского марша, громкие аплодисменты и радостное "ура" солдат-гусар встретило победителя, и Владимир, набирая повод и сдерживая "Джиоконду", выехал из круга и, соскочив с лошади, направился к скаковой комиссии, отвечая на ходу на радостные поздравления торжествующих товарищей.

Через несколько минут сигнал вызвал офицеров-победителей всех трех скачек к начальнику дивизии для получения призов.

Как в каком-то радостном тумане от переполнявшего его торжествующего чувства, стоял Владимир, когда под звуки родного полкового марша, начальник дивизии вручал ему серебряный кубок — первый приз "стипель-чеза"!

Вечером в Офицерском Собрании гусарского полка шел "пир горой", и вся дивизия собралась чествовать победителей на скачках.

Офицеры-гусары ликовали, так как призовой кубок за "стипель-чез" уже третий год подряд доставался гусарскому полку, а потому и закреплялся окончательно за ним. Поэтому Владимир и был заслуженным "гером дня".

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1.

У Александра Ивановича Хлюстина были в этом году крупные неприятности, совершенно нарушившие все его планы. Собираясь, по примеру прошлых лет, поехать летом за границу для "лечения" своих, существующих лишь в его воображении, болезней и желая для этого собрать нужные ему деньги, он распорядился, чтобы управляющий имением срочно собрал с крестьян недоимки за прошлое время и, одновременно, поднял бы цену за арендуемый у него крестьянами луг и участок пахотной земли. Так как такое поднятие цены не было ничем оправдано и крестьяне привыкли платить ранее установленную цену, то они наотрез отказались уплатить требуемую с них сумму и, не дожидаясь окончания спора, своевольно скосили луг и запахали арендуемый участок земли. Принятые управляющим, по распоряжению Александра Ивановича, репрессивные меры только озлобили крестьян, которые в отместку подожгли барский амбар. Получив тревожное донесение управляющего, Хлюстин незамедлительно приехал в имение, чтобы самому произвести "суд и расправу". Желая покрыть свои потери и наказать крестьян за самоуправство, он обратился к мест-

гым властям, настойчиво требуя от них принятия срочных мер для возмещения его (сильно им преувеличенных) убытков и примерного наказания "подстрекателей бунта", но дело его затягивалось, и не дождавшись результата, он вернулся домой. В дополнение к этой неприятности, по возвращении в город, он был неожиданно вызван в губернское жандармское управление, где жандармский полковник, в очень корректной и вежливой, но в то же время решительной форме довел до его сведения, что его сын Николай, высланный административно из Петербурга и находящийся под негласным надзором полиции, замечен в нежелательном "знакомстве" с политически неблагонадежными лицами и подозревается в анти-правительственной агитации среди рабочих. При этом Александру Ивановичу весьма недвусмысленно было дано понять, что если он не примет мер, чтобы "образумить" своего сына, то последнему грозит неприятная перспектива быть отправленным в "места не столь отдаленные". Несмотря на всю свою оппозиционность к правительству, Александру Ивановичу совершенно не улыбалось вступать в какой-либо конфликт с "властями придерживающимися" и подвергаться нежелательному визиту полиции и жандармов, а потому он и посоветовал сыну быть осторожнее.

Все эти, так неожиданно на него свалившиеся невзгоды, заставили Александра Ивановича, скрепя сердце, отказаться от намеченной поездки за границу, что, конечно, не могло не отразиться на его, и без того желчном, характере, и он стал прямо невыносим для своих домашних и прислуги, придираясь к каждой мелочи. Николай Хлюстин, видимо испугавшись "отеческого" предупреждения жандармского полковника, "поджал хвост" и временно прекратив свою "достоянную деятельность", проводил время ничего не делая, почти целый день валяясь на кровати. Вера Сергеевна, увлеченная в это время интенсивной перепиской с какой-то видной английской представительницей "женского движения", отнеслась ко всем семейным событиям довольно равнодушно.

Милочка переживала пору своей "первой любви" и очень грустила, когда долго не приходили письма от Владимира, когсрый, занятый своими полковыми делами, иногда подолгу

ей не писал. Но однажды одно из его, довольно таки неосторожно-нежных писем, попало случайно в руки Александра Ивановича. Отправившись с письмом к Вере Сергеевне и дав ей его прочесть, он с кислой миной сказал:

— Вот, полюбуйтесь на это нежное послание! Ваша дочь, оказывается, в переписке с этим офицериком!?

Позвав Милочку, он долго пилил ее, указывая на всю недопустимость и неприличие ее поведения. В заключение он добавил, что желал бы для нее совершенно другой "партии". Дело в том, что, вечно испытывая недостаток в деньгах для удовлетворения своих прихотей, Александр Ивансевич в тайниках своей души строил планы выдать дочь замуж за знакомого богатого фабриканта — недоучившегося в университете савраса — Митрсфана Ивансвича Лобова, который "прожигал" свою жизнь и оставленное ему отцом крупное состояние по городским кабакам и, в то же время, был причастен к "освободительному движению", для которого широко раскрывал свой бу-мажник.

Милочка, в которой Лобов вызывал всегда лишь чувство непреодолимого отвращения, несмотря на все "подходы" отца не хотела о нем и слышать, и при появлениях Лобова в доме, всегда находила предлог скрыться.

Таксы были обстоятельства жизни семьи Хлюстиных в этот, роковой для России, 1914-й год.

2.

В один из жарких дней второй половины июля, на подступах к городу А. должны были разыгаться двусторонние маневры X-ой кавалерийской дивизии и полки вышли на большое учебное поле, откуда должны были разойтись для выпол-

иснения своих задач. У старой ветряной мельницы при дороге из города, — где был исходный пункт маневров, стоял, обсуждая с начальником штаба детали маневров, начальник дивизии — генерал Зарубаев. Несколько офицеров штаба сидели в стороне на перекладине изгороди и весело болтали между собой. Поодаль, размундштученные лошади мирно щипали траву. Приблизившись к мельнице, крестьянские мальчишки, пасшие на лугу коров, с любопытством рассматривали военных.

В этот момент по дороге, ведущей из города, через облако поднятой пыли показался быстро скачущий всадник. Через несколько минут перед начальником дивизии остановился на взмыленном коне ординарец штаба дивизии и, соскочив с лошади, подал генералу запечатанный бланк срочной служебной телеграммы.

Вскрыв телеграмму, генерал Зарубаев быстро пробежал ее глазами и молча протянул начальнику штаба.

Это было экстренное сообщение о Сараевском атентате серба Гаврилы Принципа и австрийском ультиматуме Сербии, а также текст ответа Императора Николая Второго на обращение к Нему за помощью сербского принца-регента Престолонаследника Александра.

Приказав бывшему при нем трубачу трубить "отбой" и "сбор", генерал Зарубаев, выждав, когда полки построятся, выехал перед серединой дивизии и твердым, металлическим голосом громко прочел полученную телеграмму.

Не успел он дочитать последних слов благородного ответа Государя, как они были покрыты громовым "ура" дивизии и вслед затем хор трубачей одного из полков заиграл гимн "Боже, Царя храни", подхваченный трубачами всех полков. Стихийный порыв охватил в этот момент всю дивизию, и все — от генерала до солдата — готовы были сейчас же, по первому зову обожаемого Монарха, ринуться на дерзкого врага!

Так встретила Русская Армия известие о благородном ре-

шении Государя Императора встать на защиту маленькой братской Сербии...

Вместе с другими офицерами Владимир Соболев с энтузиазмом принял сообщение об этом историческом дне, в который было поставлено на карту достоинство Великой России — покровительницы Славянства!

На следующий же день полкам было приказано грузиться и вернуться по железной дороге на места своих штатных стоянок, чтобы готовиться к походу.

С молниеносной быстротой начали разворачиваться события, приближая трагическую развязку... В Европе запахло войной.

Исчерпав все мирные средства, чтобы смягчить унижительный для достоинства Сербии австрийский ультиматум и тем предотвратить войну, Император Николай Второй приказал объявить общую мобилизацию русской армии, в ответ на мобилизацию Австрии и ее союзницы Германии. Вскоре последовало объявление нам войны Германией, а вслед за ней и Австрией.

Не желавшая войны миролюбивая Россия должна была поднять брошенную ей перчатку и обнажить меч.

При первых же известиях о мобилизации, старый Соболев сейчас же собрался и выехал к сыну, чтобы проститься и провести с ним остающиеся до ухода полка дни, зная, что Владимир, занятый своими служебными обязанностями и сборами в поход, не сможет к нему вырваться. Скрывая от сына тревогу, старик бодрился, так как понимал и сочувствовал молодому порыву Владимира.

Пришло Владимиру и чье-то пахнувшее тонкими духами письмецо, которое он с заметным волнением и нежностью прочел и тщательно сложив, спрятал.

Перед самым отходом эшелона, с которым ехал Владимир, старый подполковник в последний раз горячо обнял сы-

на, несколько раз перекрестил и стараясь говорить бодро, сказал:

— Ну, Володя, иди куда тебя зовет твой долг и присяга. Тебе выпала честь и счастье встать на защиту твоей Родины и Государя. Я знаю, что мне незачем напсминать тебе, как ты должен себя вести, — ты Соболев!

Когда под звуки полкового марша и громкое "ура" молодцов-гусар эшелон плавно отошел от станции, Павел Александрович, стоявший вместе с другими провожающими на платформе, еще долго махал фуражкой вслед удалявшемуся поезду, и когда тот, наконец, окончательно скрылся из глаз, старый подполковник, вдруг как-то сразу осунувшись и еще больше постарев, медленно пошел домой.

3.

После съезда сына на войну, для Павла Александровича потянулись долгие, томительные дни тревожного сжидания. Потеряв всякое представление о времени, он жил только от письма до письма, каждое утро с нетерпением высматривая из окна приход почтальона. Когда приходил по почте свежий номер "Русского Инвалида", старик дрожащей от волнения рукой переворачивал его страницы и со страхом пробежал столбцы с фамилиями убитых офицеров, боясь встретить там дорское имя. Верный Григорий вместе со своим старым барином переживал его тревоги, но стараясь его успокоить, говорил:

— Даст Бог, все будет благополучно, и вернется к нам Владимир Павлович живым и невредимым, да еще и героем! Вот-то радость нам будет тогда!

Но Павел Александрович, хотя и бодрился и старался себя успокоить, места себе не находил от беспокойства за сына.

Зато, когда приходило откуда-нибудь из далеких Карпат долгожданное письмо, это было для старика праздником!

В семье Хлюстиных Милочка тоже с нетерпением ждала заветного письма и когда, наконец, приходил конверт со штемпелем полевой почты, она спешила скорее скрыться в свою комнатку, чтобы наедине, без свидетелей, проглотить дорогие строчки...

Александр Иванович Хлюстин войной мало интересовался и лишь ворчал из-за невозможности поехать в Баден-Баден, возмущаясь, что из-за этой "никому ненужной войны", он не может "долечиться" и поправить свое "расстроенное" здоровье. В припадке раздражения, он без конца брюзжал и критиковал все и вся, видя во всем влияние на верхи "темных сил" и осуждал и правительство, и военное командование за "неумение вести войну" и наладить снабжение, ставя всегда в пример Англию и Францию, которые-де и без "глупого милитаризма", благодаря своей совершенной парламентской системе, отлично справляются со всеми задачами, связанными с войной. Николай Хлюстин, по протекции отца, был прочно "забронирован" от фронта погонями "зем-гусара" и отсиживался в Киеве в каком-то тыловом учреждении, где ничего не делал, а только сбивал с толку и отравлял неустойчивые души самыми вздорными, лживыми слухами и клеветой на Царскую Семью и правительство.

4.

В конце 1914 года русская армия, победоносно выиграв "Великую Галицийскую битву", уже занимала большую часть Галиции и широким фронтом выходила к Карпатам, готовясь вторгнуться в Венгрию.

Кавалерийская дивизия. в которую входил гусарский полк

Владимира Соболева, действуя перед фронтом нашей 3-й армии, вела усиленную боевую разведку, не теряя соприкосновения с отступавшим неприятелем. После упорного боя, отбросив задержавшихся на переправе австрийцев, дивизия встала на ночлег в большом польском местечке с двумя высокими костёлами и большим барским домом-дворцом, в котором поместился штаб дивизии. Гусарский полк, бывший в этот день дежурным, расположился на западной окраине местечка, возле находящегося на выгоне обширного помещичьего фольварка. На самом фольварке стал штаб полка и 1-й и 2-й эскадроны, остальные же эскадроны разместились в близлежащих хатах.

Уставшие за день и проголодавшиеся офицеры собрались в просторной столовой господского дома, где расторопные денщики уже накрывали стол для ужина, на который был приглашен и хозяин дома — представительный польский пан и его три хорошенькие дочки. Не желая оставаться в долгу, гонорбный пан Бордзиковский (так звали хозяина дома) выставил из своего погреба несколько бутылок старого польского меду и венгерского вина, что немало способствовало хорошему настроению ужинавших.

В разгар этого веселого ужина, когда уют домашнего комфорта, приличная сервировка, сытная еда, тонкое вино, а особенно присутствие хороших кокетливых паненок уже начали оказывать свое благотворное действие и забывшие усталость офицеры весело болтали и ухаживали за своими очаровательными хозяйками, — в комнату вошел ординарец штаба дивизии и передал командиру полка приказание спешно прибыть в штаб дивизии.

Вернувшись через час, командир полка сообщил, что согласно полученному приказу, полк переходит в распоряжение командира Н-ского армейского корпуса и должен выступить на рассвете с ночлега.

На Н-ский корпус, составлявший правую колонну войск, направляемых для овладения проходами через Карпаты, возлагалась задача перейти границу Венгрии и занять город

Бартфельд. Гусарский же полк должен был содействовать этой операции, обеспечивая правый фланг движения корпуса, для чего должен был перейти Карпаты правее частей корпуса.

Было еще темно, когда эскадроны начали выходить на сборное место и строиться в ожидании прибытия командира полка. Подъехав к полку, командир полка вызвал к себе всех офицеров и унтер-офицеров и объяснил им общую цель операции и задачу, возложенную на полк. Выждав, когда удалятся высланные вперед разъезды, полк выступил со сборного места и переменными аллюрами двинулся по дороге, ведущей к проходу через Карпаты.

Пройдя около 20 километров, полк остановился у небольшой деревушки в предгории Карпат и стал поджидать донесений от разъездов. Сев на краю дороги, проголодавшиеся гусары достали из кобур сёдел сухари и консервы и принялись за свой походный "обед". Командир полка с адъютантом вышли на опушку деревни, чтобы немного ориентироваться. Почти непосредственно за деревней начинался постепенный подъем к горному проходу. Опрошенные жители-галичане рассказали, что накануне через деревню прошло около двух батальонов австрийской пехоты с пулеметами, которые направились к видневшемуся вдали перевалу. В это время было получено донесение от разъезда корнета Шипова, который доносил, что перевал занят австрийцами, силою до трех рот пехоты, которые окопались. Сзади же видны, повидимому, их резервы, которые укрепляют вторую линию окопов. При попытке разъезда приблизиться, он был обстрелян сильным ружейным и пулеметным огнем. Приблизительно то же самое донесли и другие разъезды. Сев на коней, полк прошел вперед еще 2-3 километра и опять остановился. Ружейная стрельба была слышна уже совсем близко. Спешив полк, командир полка приказал трем эскадронам под командой подполковника Картавцева наступать на перевал, чтобы боем выяснить силы противника и отыскать его фланги. Сам же командир полка с адъютантом и ординарцами взобрался на старую, полуразрушенную мельницу, с которой в бинокль было видно расположение австрийцев. Местность по которой пришлось наступать нашим эскад-

ронам, была открытая и повышалась в сторону противника. Как только австрийцы обнаружили движение наших цепей, то сейчас же открыли по ним сильный сосредоточенный огонь. Откуда-то справа фланг наших наступающих цепей продольно простреливался хорошо укрытыми неприятельскими пулеметами, которые не позволяли эскадронам продвинуться вперед. Эскадроны начали нести потери и залегли. Было уже 3 часа дня. Движение полка, которое должно было быть согласовано с наступлением нашей пехоты, задерживалось. Командир полка начал нервничать. Не отрывая глаз от бинокля, он напряженно вглядывался в даль, где виднелась австрийская позиция. Внимательно всмотревшись, он заметил, что значительно правее австрийских окопов тянется большая роща, ближний край которой проходил в нескольких километрах от того места, где находились наши эскадроны, бывшие в резерве. Насколько можно было видеть, роща не была никем занята. Сразу приняв решение, командир полка вызвал из резерва временно командовавшего 1-м эскадроном поручика Соболева и приказал ему с эскадроном и с одним легким пулеметом сделать глубокий обход левого фланга австрийцев и, заняв рощу, атаковать оттуда неприятеля во фланг.

Посадив эскадрон на коней, поручик Соболев рысью повел его в указанном направлении, укрываясь от взоров противника складками местности.

Австрийцы продолжали вести сильный огонь, не позволяя нашим цепям продвинуться ни на шаг. Командир полка, находясь на своем наблюдательном пункте, нетерпеливо поглядывал на часы, выжидая выхода 1-го эскадрона во фланг неприятелю. Время томительно тянулось... Вдруг где-то справа и, как казалось, в тылу у австрийцев, послышалась сильная стрельба и раздалось громкое "ура"! Огонь австрийцев стал беспорядочнее, и скоро стало видно, как из окопов начали выскакивать фигурки в серо-голубых шинелях с ранцами на спине и, пригибаясь к земле, бежать назад в следующую линию окопов. Пулеметы, которые не давали нашими цепям продвигаться вперед, сразу замолкли. Подняв цепи, командир полка приказал атаковать перевал. С громовым "ура" гусары, как

ураган, добежали до окопов и выбивая ударами штыков и прикладов еще задержавшихся и отчаянно сопротивлявшихся австрийцев, на их плечах ворвались и во вторую линию укреплений. В мгновение весь перевал был занят. Посаженные на коней эскадроны преследовали австрийцев и начали спускаться в Венгерскую долину.

Что же происходило в это время в 1-м эскадроне у Соболева?

Пройдя по ложине несколько километров, Соболев втянулся в рошу и, двигаясь по ней укрыто, начал подъем без дорог, стараясь только возможно дольше не быть обнаруженным неприятелем. Сделав глубокий обход, он со своим эскадром вышел к опушке роши, прямо во фланг австрийским окопам. Спешив эскадрон в роше, Владимир рассыпал своих гусар в цепь и с близкой дистанции открыл по австрийцам ураганный огонь, после чего с громким "ура" атаковал растерявшегося противника во фланг и тыл. Увидя перед собой неприятельские пулеметы, он с одним взводом бросился к ним и после горячей схватки овладел обоими пулеметами. Во время атаки Владимир был ранен пулей в левую руку, но остался до конца боя в строю. Когда австрийцы в тылу у себя увидели русских, то в панике бросились бежать, счищая окопы. Лихим ударом 1-го эскадрона этот участок неприятельской позиции был с налету взят, что позволило и эскадронам, наступавшим "в лоб", атаковать и занять весь перевал. Теперь уж ничто больше не препятствовало движению полка в Венгрию, что облегчило наступление и нашей пехоты.

Послав командиру корпуса подробное донесение о выполнении своей задачи, командир полка приложил к нему представление о награждении поручика Владимира Соболева Георгиевским Оружием за штыковую атаку, увенчавшуюся занятием австрийской укрепленной позиции, и за взятие им двух действующих неприятельских пулеметов. Были представлены к наградам и другие офицеры и гусары полка.

Отказавшись эвакуироваться в госпиталь, Владимир Собо-

лев, после сделанной ему полковым врачом перевязки, остался в строю.

5.

После долгого, томительного ожидания, Павел Александрович получил, наконец, письмо сына, в котором Владимир списывал ему бой на Карпатском перевале и сообщил о своем представлении к Георгиевскому Оружию. Лишь в конце письма Владимир осторожен, чтобы не встревожить отца, написал о своем ранении, поспешив добавить, что рана его настолько легкая, что позволила ему остаться в строю.

Прочтя письмо, Павел Александрович страшно разволновался — его любящее сердце, заставляя работать воображение, рисовало ранение сына гораздо тяжелее, чем оно было в действительности! Когда же почтальон принес ему тот номер "Русского Инвалида", в котором был напечатан Высочайший приказ о награждении поручика Владимира Соболева Георгиевским оружием, с подробной реляцией о совершенном им подвиге, — то старый подполковник от переполнявшего его чувства отцовской гордости за сына не мог сидеть спокойно дома, и, кажется, не было в эти дни близких или далеких знакомых, у которых бы он не побывал и не заставил прочесть Приказ!

Старый Григорий, который вместе со своим барином переживал все его радости и тревоги, в свою очередь, от избытка преданности, пересказывая в кругу соседских кухарок и горничных о подвиге своего молодого барчука, украшал свой рассказ такими фантастическими подробностями, что его слушательницы только ахали и всплескивали руками!

Вскоре пришло дополнительное письмо Владимира из полевого госпиталя, в котором он писал, что вследствие насту-

пившего осложнения, рана его все еще не совсем зажила, а потому он получает отпуск на три недели и надеется скоро быть дома.

Радости Павла Александровича при этом известии не было края, и он с едва сдерживаемым нетерпением стал ждать приезда сына-героя.

Наконец, Владимир телеграммой сообщил о дне своего прибытия.

Чуть ли не за час забрался старый подполковник на вокзал, чтобы встретить любимого сына!

За несколько минут до прихода вечернего поезда из Киева, на платформе вокзала начались обычные перед прибытием поезда суета и приготовления. Прошел по перону дежурный по станции в красной фуражке, носильщики провезли в конец платформы ручные тележки для багажа, из буфетной комнаты начали выходить немногочисленные пассажиры и встречающие. Павел Александрович, стоя на платформе, впивался глазами в темноту, из которой каждую минуту можно было ожидать появления поезда. Вот, наконец, раздался удар станционного колокола, и издали послышался мерный стук колес быстро приближавшегося поезда... Блеснули в темноте два больших ярких глаза-фонаря...

Сдерживая ход, к дебаркадеру плавно подходил большой пыхтящий паровоз, таща за собой длинный ряд ярко освещенных вагонов... На площадке вагона первого класса стоял высокий молодой офицер в серой, солдатского сукна, шинели с левой рукой на черной перевязке. Сразу заметив в толпе встречающих Павла Александровича, Владимир (это был он), не дожидаясь полной остановки поезда, соскочил с площадки и бросился к отцу...

— Отец!

— Володя!

только смогли они проговорить и замерли в объятиях друг у друга.

Теплым уютом пахнуло на Владимира, когда он после года лишений суровой боевой обстановки, вновь почувствовал себя в родном доме! После ужина, наговорившись до-сыта, Павел Александрович вышел в свой кабинет и вернулся оттуда, держа в руках старую дедовскую шашку, на которую он уже поставил золотой эфес с белым крестиком, повязанный Георгиевским темляком.

Обняв сына, Павел Александрович торжественно вручил ему свой подарок, говоря:

— Вот, Володя, носи с честью это Георгиевское Оружие, которое ты заслужил своим подвигом! Ты второй Соболев, который удостоился такой высокой награды. Первым был твой дед, который получил орден Святого Георгия еще в турецкую войну.

С чувством глубокой радости принял Владимир из рук отца оружие, на котором белый крестик и черно-оранжевая ленточка говорили об его подвиге.

Когда Владимир похудевший, загоревший и сильно возмужавший на войне, с рукой на черной повязке, пришел навестить Хлюстиных, он в выразительных глазах Милочки прочел столько чувства нескрываемой преданной любви, что у него стало тепло на душе. Вера Сергеевна была в этот день достаточно внимательна к своему племяннику, и даже Александр Иванович с деланно-приветливой улыбкой "выдавил" из себя поздравление "юному герою".

Три недели отпуска Владимира пролетели для него как сон, и не успел он опомниться, как пришло уже время возвращаться на фронт. Рука его к этому времени, хоть и не совсем зажила, но все же позволяла ей двигать и ходить без повязки. За эти дни он несколько раз виделся с Милочкой, и их взаимное влечение с каждым разом все крепло, переходя в прочное чувство глубокой любви.

За два дня до отъезда Владимир сидел с Милочкой в го-

родском парке. Был чудный вечер рано наступившей южной весны. В чистом воздухе слышался нежный запах распускающейся сирени. Откуда-то издалека еле доносились звуки военного оркестра, игравшего какой-то мелодичный вальс... Под впечатлением нахлынувших на них чувств, оба долго сидели молча. Владимир первый прервал молчание и, взяв руку Милочки и нежно ее поцеловав, сказал:

— Итак, Милочка, послезавтра я уезжаю. Вернусь ли или нет — одному Богу известно. Но мне бы хотелось уехать, зная, что мое чувство к Вам встречается и с Вашей стороны ответ и что я для Вас не совсем безразличен.

Рука Милочки, лежавшая в его руке, сильно задрожала. Вместо ответа Милочка заплакала.

— Господи! — тихо прошептала она, прижимая к глазам свой маленький платочек, — зачем в жизни столько испытаний!? Привыкнешь к человеку, полюбишь его, а судьба заставляет с ним расстаться и дрожать за его жизнь!

Владимир обнял Милочку и отняв от ее глаз платочек, нежно поцеловал ее заплаканные глазки. Милочка подняла опущенную голову, и их губы встретились в бесконечном горячем поцелуе...

С трудом сдерживая себя, Владимир оторвался от Милочки, поднялся со скамейки и глухим от охватившей его страсти голосом сказал:

— Ну вот, Милочка, сейчас Вам пора идти домой. Теперь я могу спокойно ехать, зная, что Вы меня любите.

Через два дня Владимир уехал на фронт. По мере того, как поезд приближал его к горячо-любимому полку, мысли его, оторвавшись от оставленного, принимали другое направление, обращаясь к родному полку, дорогим сердцу товарищам, своему лихому 1-му эскадрону, и он уже считал часы, когда их увидит.

К началу 1916 года весь гигантский русский фронт застыл неподвижно, оплетаясь бесконечными рядами колючей проволоки. Неприятель тоже остановился на месте, сильно укрепляя свои позиции. На самом левом фланге нашего юго-западного фронта участок позиции занимали посаженные в окопы спешенные части нашей конницы, которая наряду с пехотой, несла все тяготы окопной службы. Эта, непривычная для конницы, прикованность к одному месту, сильно ее угнетала. Скучно кавалеристу, разлученному со своим верным боевым другом — конем! Владимир Соболев вместе с другими офицерами томился от монотонных будней позиционной войны.

Вдруг по окопам, с быстрой молнии, прошел радостный слух: Государь прибыл на Юго-Западный фронт и будет смотреть конный корпус: Слух этот вскоре подтвердился.

Дождавшись смены пехотой, полки Конного корпуса отошли в расположение своих обозов, чтобы подготовиться к царскому смотру. Под неусыпным оком командиров и вахмистров, эскадроны, сотни и батареи спешно приводили в порядок свое снаряжение, до блеска чистили оружие, котелки и металлические части конского прибора, подстригали коням хвосты и выщипывали гривки. На следующий день, сделав переход около 40 верст, полки расположились на ночлег вблизи города Х., где было назначено место для смотра.

Мало кто из офицеров и солдат мог спать в эту ночь перед смотром, — так сильно было нетерпеливое ожидание каждого скорее увидеть Царя!

Рано утром Владимир, свежий и радостный, вскочил с походной койки и, умывшись и наскоро позавтракав, вышел на крыльцо избы.

Весь громадный бивак конницы уже поднялся и кишел, как муравейник. Солдаты и казаки выводили лошадей, замывали им копыта, выносили из клунь сёдла и снаряжение... До хри-

поты кричали, отдавая приказания, brave вахмистра и взводные унтер-офицеры... Спешили с горячими чайниками в руках денщики, готовя завтрак для своих офицеров... Но вот в утреннем воздухе раздались звуки "генерал-марша", который играли гусарские трубачи и со всех концов громадного села, переключаясь между собою, неслись бодрящие звуки этого самого красивого кавалерийского сигнала, слова которого: "Всадники-други, в поход собирайтесь!" "предваряли" скорое выступление.

Послышались громкие команды вахмистров: "Седлай!"

Владимир прошел в свой эскадрон, чтобы лично проверить исправность седловки и снаряжения своих молодцов гусар. Через час полки Конного корпуса начали стягиваться на большое поле под городом.

Красочно-воинственную картину представляла собой эта внушительная масса несравненной русской конницы, собранная здесь, чтобы предстать перед своим Августейшим Вождем!

Вот прошли полки регулярной кавалерии: драгуны на рыжих, уланы на гнедых и гусары на отливающих серебром, серых конях — все одинаково одетые в защитные гимнастерки с цветными погонами... Здесь же и лихие казаки разных казачьих войск, — каждое войско по-своему прекрасно: молодецкаты, с лихо выбивающимися из-под фуражек темными чубами Донцы с алыми лампасами на синих шароварах, сидящие на статных и резвых степняках, — Оренбуржцы с синими погонами и лампасами, на своих маленьких, лохматых сибирских лошадаках, — Кубанцы и Терцы в темно-серых, по-кавказски перетянутых в талии черкесках, с алыми и синими погонами, на легких кабардинских скакунах... Нельзя решить, какой полк лучше?!.. Все ласкают глаз разнообразием обмундирования, седловки и типа лошадей!

Звеня стальными дулами орудий, идут за полками лихие конные батареи — надежный друг конницы в бою!

Придя на поле, полки заняли указанные им места. Встав

сбоку, командиры эскадронов и вахмистра долго выравняли линию строя, то подавая вперед, то осаживая назад фланги эскадронов. Наконец, тщательно выравненный корпус представлял собой правильно построенный большой прямоугольник с интервалами между дивизиями и полками. Около 8 часов корпус объехал командир корпуса со своим штабом. Полки стояли неподвижно, с нетерпением ожидая прибытия Государя. Время томительно тянулось... Но вот, до того чистое небо начало хмуриться и покрываться свинцовыми тучами, предвещая близкий дождь...

"Господи, неужели же пойдет дождь, и смотр будет отменен!?" — с тоской думал Владимир, с беспокойством поднимая глаза на серое небо.

Начал моросить мелкий, назойливый дождь, которому, казалось, и конца не будет...

Вдруг со стороны города показался скачущий карьером "махальный"... Глаза всех впились в сторону города... Послышалась зычная команда командира корпуса: "Корпус смирно! Шашки вон, пики в руку!"

Команду подхватили начальники дивизий и командиры полков. Корпус замер в одном радостном порыве, повернув головы направо...

По дороге из города показалась большая группа всадников, идущая крупной рысью.

Взяв шашку "под высь", командир Корпуса поскакал им навстречу.

Все ближе и ближе видны быстро приближающиеся всадники, и впереди всех, на светло-сером коне — ГОСУДАРЬ!

Подувший в этот момент свежий ветерок, разогнав тучи, прекратил дождь и яркий солнечный луч упал на мокрую траву. Весь в сиянии голубого неба и яркого солнца, Государь, в сопровождении большой свиты, уже подъезжал к правому флангу Корпуса.

Громко раздались звуки трубачей первого полка, заигравших "встречу", и слышалось приветствие Государя, покрытое громким, радостным ответом полка, перешедшим в громкое "ура"... Вот Государь уже у следующего полка... Опять громкие звуки полкового марша и восторженный ответ Царю восьмисот голосов...

В радостном порыве замер на своем кровном коне Владимир Соболев... Рука до боли сжимает эфес опущенной вниз шашки, глаза не отрываясь следят за приближающимся Государем... Но вот раздаются звуки родного полкового марша: — ликует, поют трубы гусарских трубачей!.. Государь уже перед полком... Его ласковые слова проникают прямо в душу... На глазах старых, усатых вахмистров видны слезы... Потрясая воздух, гремит восторженное "ура" гусар.. До хрипоты, надсаживая грудь, кричит с ними Владимир, сливаясь в экстазе с полком...

Объехав все части Корпуса, Государь встал на краю поля, чтобы пропустить перед собой полки. Отчетливо сделав заезд "повзводно направо", полки перестроились в колонну для прохождения церемониальным маршем. Раздались громкие команды, и под звуки своих полковых маршей, полк за полком стали проходить перед Державным Вождем, бесконечные ряды несравненной русской конницы.

Земля дрожит под тысячами конских копыт и колёсами стальных орудий. Гремят, сменяя один другого, хоры полковых трубачей. Из тысяч грудей, сотрясая воздух, несутся восторженные ответы Царю проходивших полков...

Вот прошел последний полк...

Радостно, с трубачами и песенниками впереди, расходились полки по квартирам. И каждый офицер, солдат и казак уносил с собой незабываемый образ своего ЦАРЯ, связь с которым он почувствовал в этот день так близко, так ярко!

В восторженном письме описал Владимир отцу этот, оставивший у него неизгладимый след, Царский смотр, делясь с ним своими переживаниями.

Шел третий год страшной, кровопролитной войны. Неся главную ее тяжесть, жертвуя собой для спасения взывающих о помощи союзников, русская армия мужественно выполняла свой почетный долг. Сменив несколько раз, из-за громадных потерь, свой состав, наша многострадальная пехота являла чудеса доблести, вписывая в свою историю новые славные страницы. С ней соперничала наша несравненная конница, дав исключительные примеры конных атак на любого противника.

Еще в 1915 г., в самый трагический для русской армии период войны, когда русские войска принуждены были отходить под натиском подавляющих сил врага, Государь Император, желая разделить с горячо-любимой армией тяготы боевой страды и взять на Себя всю ответственность за ведение войны, принял командование над всеми русскими вооруженными силами. Этот, полный благородной решимости и жертвенности, акт Государя, однако, не встретил признания и сочувствия погрязшего в омуте сплетен и интриг "русского общества" и части его "правлящего слоя", которые дерзнули "советовать" Государю отказаться от этого решения! Но Государь проявил в этом вопросе непреклонную твердость характера и настоял на своем решении. И что же? Отступавшие до того, безостановочно наши армии, остановились, закрепились на намеченном рубеже, и первый же день принятия Государем звания Верховного Главнокомандующего ознаменовался переходом в наступление и крупным успехом одной из наших дивизий, взявшей большие трофеи!

Со второй половины 1916 года русская шестимиллионная действующая армия, пополненная и снабженная до отказа тяжелой артиллерией, боеприпасами и всем необходимым, готовилась, совместно с союзниками, к решительному удару, который должен был принести нам полную победу над изнемогавшим уже врагом. Общее наступление на всех фронтах намечалось на весну 1917 года. Разрабатывая со своим начальником штаба план предстоящей весенней кампании, Государь почти

не покидал Ставки. Дух нашей армии был выше всякой пахвалы, и она только и ждала приказа своего Верховного Главнокомандующего, чтобы перейти в наступление.

Но покаместь лучшие сыны России на фронте отдавали свои силы и жизни для победы своей Родины, — в глубоком тылу, вдали от пуль и гранат, к позору нашему, тоже русскими людьми, ковался преступный заговор и в момент наивысшего военного напряжения, накануне неминуемой победы, предатели в лице, так наз., "прогрессивного блока Государственной Думы", возглавляемого Гучковым, Милюковым, Керенским, Чхеидзе и другими "гробовщиками" России, которые вовлекли в свою недостойную игру и потерявшего разум председателя Государственной Думы — Родзянко, — с высоты думской трибуны отравляли "общественное мнение" потоками такой грязной лживой клеветы, которая, подрывая доверие к высшей верховной власти, привели Россию к краю пропасти, в которую она и свалилась.

Затравленный этой клеветой и интригами, обманутый и покинутый своими ближайшими помощниками, которым Он так верил, Государь 2 марта 1917 года подписал в Пскове свое отречение от Престола.

"Кругом измена, трусость и обман" — вырвались полные горечи слова Его, записанные в дневник на следующий день после отречения.

Какой же несмываемой пощечиной должны были быть эти слова кроткого всепрощающего Государя для тех, к кому они относились!

Известие о революции и отречении Государя, достигнув фронта, как громом поразило ничего не подозревавших офицеров в действующей армии.

Когда вернувшийся в первых числах марта 1917 года из отпуска из Петербурга офицер Н-ского гусарского полка, опережая официальное сообщение, привез в полк известие о событиях, то потрясенные офицеры долго не хотели ему верить, считая эти слухи преувеличенными.

Увы, пришедшее вслед за этим через штаб дивизии официальное сообщение Ставки подтвердило весь ужас удара, постигшего Россию. Как это ни странно, сообщение Ставки носило "оптимистический" тон, и происшедшая "перемена" рассматривались как несущая Стране "успокоение" и возможность "довести войну до победного конца". Какой самообман!

Отравляемая преступным "Приказом № 1", русская армия быстро разлагалась, превращаясь в озверевшую "вооруженную толпу" — страшную для мирных жителей и позорно бегущую от врага. — Из Петербурга и Кронштадта начали поступать сообщения о пролитой там крови тысяч остававшихся верным и долгу офицеров, жандармов и городских!

По получении официального сообщения Ставки о перевороте и приказа привести полк к присяге Временному Правительству, командир гусарского полка собрал своих офицеров и, ознакомив их с обстановкой, сказал:

— Для меня, господа, не подлежит никакому сомнению, что Государь предан теми, кого Он осыпал своими милостями, и что отречение вырвано у Него обманом. Но весь трагизм заключается в видимой "легальности" акта: Государь подписал манифест об отречении и приказал исполнять распоряжения Временного Правительства! Мы бессильны тут что-нибудь изменить, и наш долг оставаться на местах, покамест враг угрожает нашей Родине. . .

Но экспансивный Владимир Соболев наотрез отказался присягнуть Временному Правительству и в порыве отчаяния и стыда хотел сорвать с себя погоны и уйти из армии, считая, что без Царя нет ни России, ни армии. Только дружеские уговоры товарищей и полное любви и тревоги за него письмо отца, который умолял его не предаваться отчаянию и положиться на милость Божию, — удержали его от этого шага.

9.

Совсем иначе встретил "события" Александр Иванович Хлюстин.

Вся та недостойная, гнусная клевета, которая с думской трибуны лилась на "окружение" и самого Государя и Его Семью и смаковалась по петербургским "салонам" и бульварам, достигая до тихого, патриархального города, в котором жили Хлюстины, находили у Александра Ивановича сочувственный отклик и воспринимал он ее как "святую истину", в свою очередь со злорадством комментируя среди своих знакомых.

Бунт в Петрограде и отречение Государя от Престола Александр Иванович встретил восторженно. Эта "жертва проклятого царизма", носясь с одного собрания на другое, на всех перекрестках клеймил павшую власть и пел гимны "Великой Бескровной"!

Сделав себе кумир из вынырнувшего из ничтожества второразрядного адвоката Керенского, он украсил его портретами свой дом и весь горел желанием приложить и свои силы к "делу революции".

Реквизиция его богатого особняка, с оставлением ему лишь двух комнат, несколько охладила его пыл, но получение им вскоре ответственного поста, отчасти утешило и примирило с этой неприятностью.

Что же касается Николая Хлюстина, связанного с крайними левыми элементами революционной "клики", то он далеко не был удовлетворен результатами "февраля", и принимал их лишь как "временные", делая свою ставку на начинавший поднимать голову большевизанствующий "Совет солдатских и рабочих депутатов". Поэтому он вскоре примкнул к партии большевиков, в конечную победу которых верил. "Партия" сумела оценить своего "достойного" сотрудника и облекла его полным своим доверием.

Покаместь доблестные русские офицеры, стоящие лицом к лицу с всё еще грозным врагом, "стиснув зубы", оставались выполнять свой воинский долг на фронте, "тыловая Россия", потеряв голову, приветствовала "триумфально" шествующую, драпирующуюся в красные тряпки "Великую Бескровную", не желая замечать той пропасти, в которую катилась наша Родина.

Неизбежное совершилось.

В октябре 1917 года власть захватили большевики, быстро расправившись с беспомощным и бездарным Временным Правительством и разогнав "Учредительное Собрание". Переодевшись в женскую юбку, позорно бежал "кумир" революции — Керенский. Застенки и подвалы ЧЕКА заполнились теми, кто еще вчера, захлебываясь от восторга, приветствовал падение "проклятого самодержавия".

Не избежал строгой "кары" и Александр Иванович Хлюстин, которому, как видному представителю Временного Правительства, пришлось познакомиться с тюремным заключением, из которого он, впрочем, через некоторое время был благополучно выпущен.

Политическим комиссаром города, где жили Соболевы и Хлюстины, советской властью был назначен Николай Хлюстин, который, облеченный полным доверием и полномочиями, жестокими мерами укреплял в городе "власть советов".

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1.

Отсидев, с установлением в городе советской власти, около трех месяцев в заключении, Александр Иванович Хлюстин, по протекции сына, был освобожден и вернулся домой. В эти тяжелые для семьи дни одна Милочка проявляла энергию, почти каждый день наведываясь в городскую тюрьму, где вместе с несколькими товарищами по несчастью сидел арестованный Александр Иванович, чтобы принести для него "передачу" с чем-нибудь съестным. Николай Хлюстин, дорожа своим "положением" при новой власти, сперва не хотел себя "компрометировать" участием в судьбе "политического заключенного", и лишь после настойчивых просьб матери и сестры, наконец согласился выхлопотать отцу освобождение, настоятельно посоветовав ему забыть все свои "либеральные бредни" и помнить, что сейчас пришла советская власть, которая шутить не будет!

После всех пережитых страхов и неприятностей, Александр Иванович сильно упал духом, видя крушение всех своих иллюзий насчет "демократического рая". О своей же доле вины в постигшей нашу Родину катастрофе он, конечно, не задумался! Разочарованный в своих "лучших порывах", он не на шутку начал подумывать о том, чтобы покинуть "неблаго-

дарную" Россию, по крайней мере до того времени, пока в ней не установится "настоящий демократический строй".

В поисках способов и возможностей осуществить свой план, он надумал сперва переехать в Новороссийск, где проживала семья его двоюродного брата, т. к. рассчитывал, что там ему скорее может представиться благоприятный случай выехать за границу. Прийдя к этому решению, он начал постепенно готовить свой отъезд, реализуя из своего имущества то, что еще можно было спасти. Наконец, при помощи сына, который и сам был рад избавиться от стеснявшей и "компрометировавшей" его семьи, Хлюстиным удалось выехать в Новороссийск. Сам же Николай наотрез отказался куда-нибудь уехать из города, в котором он начал делать свою "революционную карьеру", для успеха которой не гнушался самой бессмысленной, ничем не оправданной жестокости, зная, что это только поднимет его "престиж" в глазах новой власти.

С приходом к власти большевиков, П. А. Соболев тоже не раз подвергался репрессиям и обыскам и, будучи выселен из своей квартиры, ютился в "милостиво" ему оставленной комнатухе, вернее чулане около кухни. Остальной же дом занял какой то важный советский "сановник" со своей канцелярией. Ничего не зная о судьбе сына, от которого давно не имел вестей, старый подполковник жил в вечной тревоге за него и все время поджидал его приезда. Преданный Григорий и в эти тяжелые дни не покинул своего старого барина, заботясь о нем с прежним старанием, и если бы только не он, — то старик давно бы умер от холода и голода.

2.

Однажды ослабевший от недоедания и тревоги за сына Павел Александрович лег спать в своем чулане и забылся в тя-

желом, стариновском сне. Григорий дремал рядом в кухне на своем сундуке. На дворе стояла темная, безлунная ночь... В городе было беспокойно, и со дня на день ожидали расправы со всеми "классовыми врагами"...

Вдруг чутко спавший Григорий услышал, что кто-то тихонько стукнул в кухонное окошко. Поднявшись, старик выглянул через окно в нелчную темноту. Во дворе, против окна стояла какая-то фигура в расхлябанной солдатской шинели с оборванным хлястиком и срезанными погонами, в нахлобученной на голову помятой папаше.

— Кто там? — испуганно спросил Григорий, не открывая окна.

— Это ты, Григорий? — тихо прошептал пришелец, прильнув лицом к окну. — Отец здесь?

— Это Вы, Владимир Павлович?! — дрожащим от радости голосом спросил Григорий, приоткрывая форточку окна. — Пожалуйста скорее, сейчас я открою Вам дверь! Только входите тихонько, у нас тут живет ихний большевицкий комиссар! Папаша спит в чулане.

Стараясь не шуметь, Владимир (это был он) осторожно вошел в кухню и обнял Григория, который заплакал от радости, увидя молодого офицера живым.

— Папаша то как обрадуется! Сколько об Вас думали и беспокоились, все поджидали Вас!

Только что Григорий хотел разбудить Павла Александровича, как тот сам, сразу проснувшись, дрожащим голосом спросил:

— Владимир Павлович?

— Они-с, — шопотом ответил Григорий.

Выскочив из своего чулана, старый подполковник замер на груди сына...

— Господи! Слава Богу, ты приехал! — только и мог он произнести.

Когда прошли первые радостные минуты и старик немного успокоился, Владимир сказал:

— Отец, собирайся скорее и едем. Меня ждет тут недалеко тачанка. По дороге я все расскажу. Не задерживайся и бери только самое необходимое.

Торопясь, Павел Александрович с помощью Григория оделся в старенькое штатское пальто и сложил в мешок немного белья и кое-какие вещи. Григорий заботливо собрал в кулёчек все, что было в доме съестного. Собравшись, Павел Александрович повернулся к старому верному Григорию:

— Ну вот, Григорий, пришло время нам с тобою расстаться. Я не хочу подвергать тебя опасности и брать с нами в неизвестность. Оставайся покаместь тут. Что осталось из вещей — продавай, чтобы не умереть с голоду. Если удастся, — сбереги дом. Как только можно будет, я дам тебе знать о себе. Спасибо тебе, родной, за всё. Храни тебя Господь!

Подполковник крепко обнял своего старого верного слугу, троекратно с ним поцеловался и перекрестил.

Потихоньку приоткрыв дверь, отец с сыном вышли из дома и зашагали по пустынной улице.

Григорий долго еще стоял на пороге двери и дрожащей рукой крестил им вслед.

3.

В Новороссийске Хлюстины поселились у двоюродного брата Александра Ивановича, которого, как ученого агронома и нужного советской власти человека, покаместь не тронули и оставили жить в принадлежащем ему небольшом доме. Здесь

Хлюстины дождались занятия города Добровольческой Армией.

Условия безопасности и относительного благополучия, в которых очутились Хлюстины с приходом добровольцев, при которых в Новороссийске установился нормальный порядок жизни, — не изменили, однако, Александра Ивановича, который и здесь, находясь под защитой штыков Добровольческой Армии, продолжал подвергать беспощадной критике каждое распоряжение Управления краем и Военного командования, во всем находя пищу для своего злословия. Приобретая в городе нужные знакомства и заручившись полезными связями, Александр Иванович начал интенсивные хлопоты для намеченного отъезда за границу.

В конце 1919 года ему, наконец, удалось получить выездную визу и попасть на пароход, отходящий в Константинополь. Милочка сильно страдала от неизвестности за судьбу Владимира Соболева, связь с которым у нея оборвалась с приходом к власти большевиков. Перед отъездом, тайком от отца, сна оставила в "верных руках" письмо на его имя, в тайной надежде, что оно когда-нибудь до него дойдет.

С тяжелым чувством покидала Милочка горячо-любимую Россию, близость к которой, вопреки влиянию отца, она всей душой в себе ощущала. К этой грусти примешивалась и тревога за Владимира, о котором она попрежнему ничего не знала, но который, как подсказывало ей сердце, непременно должен был находиться в Добровольческой Армии. Что же касается Александра Ивановича, то, как только он сел на пароход, увозящий его из столь им нелюбимой России, он сразу повеселел и начал строить самые радужные планы устройства их жизни в "Европе".

На третий день путешествия Хлюстины уже были в Константинополе, где задержались около двух месяцев для получения французской визы. Покончив, наконец, со всеми формальностями, они сели на французский пароход, идущий в Марсель.

После длинного утомительного пути по глухим, проселочным дорогам, тачанка, на которой ехали Соболевы, глубокой ночью подъехала к маленькой железнодорожной станции, расположенной в чистом поле. Щедро расплатившись с возницей, Владимир взял из тачанки их скромный багаж и вошел с отцом вовнутрь станции, осторожно ступая между лежащими вповалку на полу спящими людьми, в таких же, как у него, грязных, оборванных шинелях. Пристроившись на своих мешках в углу грязной, скудно освещенной станционной комнаты, они стали поджидать прибытия поезда. Уставший в дороге Павел Александрович скоро задремал, прислонясь к плечу сына. После томительного долгого ожидания, наконец послышался шум подходившего поезда. Сразу проснувшись, толпа схватила свои вещи и ринулась к остановившимся теплушкам товарного поезда. Энергично работая локтями и помогая отцу, Владимиру удалось взобраться в одну из теплушек и занять места под окном. После длинных маневров по станционным путям, поезд, наконец, двинулся дальше. На Соболевых никто не обращал внимания, и Владимир уже начал успокаиваться. До станции Синельниково все шло благополучно. Но на этой большой узловой станции поезд оцепили вооруженные винтовками красноармейцы, и начался обход и контроль вагонов. В двери теплушки, в которой ехали Соболевы, заглянул какой-то обросший бородой солдат с красной повязкой на руке, которого сопровождал маленький юркий юноша еврейского типа, в кожаной куртке. Направив электрический фонарь во внутрь теплушки, они начали кричать, чтобы все выходили и что поезд дальше не пойдет, так как в поезде скрываются белогвардейцы, которые пробираются на Дон к казакам. Момент был критический... Не потеряв присутствия духа, Владимир, успевший за эти дни обрести бородой, которая делала его неузнаваемым, вразвалку подошел к двери и разразился самой отборной площадной бранью, крича, что тут нет никаких белогвардейцев, а только солдаты, которые проливали кровушку на фронте и едут теперь домой... Бывшие в вагоне солдаты поддержали Владимира и угрожающе зашелка-

ли затворами винтовок, которые у многих были с собой. Комиссар испуганно отскочил от двери и, махнув рукой, направился к следующей теплушке.

После длительного стояния, поезд, наконец, двинулся дальше. Со страшными мытарствами, ежечасно рискуя быть опознанными и схваченными, добрались наконец Собселевы до границы Области Войска Донского и вздохнули впервые свободно, когда на первой же пограничной станции увидели рослых, молодцеватых донских жандармов, прекрасно обмундированных, с алыми погонами на шинелях.

По прибытии в Новочеркасск, Павел Александрович и Владимир выпороли тщательно зашитые под подкладку шинелей офицерские погоны и, приведя себя немного в порядок, явились коменданту Добровольческой Армии. В Новочеркасске Павел Александрович встретил кое-кого из своих старых друзей и вскоре получил назначение на военно-административную должность в Армии. Владимир же, после наведенных в Штабе справок, направился в одну из казачьих конных дивизий, при которой начали собираться офицеры его полка. Как он узнал, туда уже прибыл подполковник Картавцев со спасенным им старым полковым Штандартом.

5.

После той кошмарной картины разваливавшегося фронта, свидетелем которой был Владимир, попав в Добровольческую Армию, он отдыхал душой, наблюдая бодрые духом, дисциплинированные полки возрождающейся Русской Армии. Опять в привычной родной семье почувствовал он себя, когда один за другим начали съезжаться офицеры горячо им любимого Н-ского гусарского полка.

Одно лишь удручало Владимира, это то, — что тех свя-

тых слов, которые он носил в своем сердце и которые придали бы смысл и законность новому "крестовому походу" за Россию, — он в Добровольческой Армии не услышал, и наш исторический национальный лозунг "За Веру, Царя, и Отечество" был произвольно заменен другим.

Однажды, когда уже прибыли все офицеры Н-ского гусарского полка, на приезд которых он мог рассчитывать, подполковник Картавцев попросил их собраться к себе.

Выждав, когда все вошли в хату, в которой он жил, подполковник Картавцев достал из чемодана тщательно спрятанное полотнище полкового Штандарта и разложил на столе.

Один за другим подходили офицеры и, преклонив колено, благоговейно целовали край своей спасенной полковой святыни!

— Господа офицеры! — обратился подполковник Картавцев к собравшимся, — наш горячо-любимый Монарх предан изменниками, наша Родина гибнет, и русская армия перестала существовать. На нас — офицерах Императорской армии — лежит священный долг спасти Россию, спасти ее честь.

— Поклянемся же на этой нашей полковой святыне, пожалованной нам самим Государем Императором, что мы отдадим не только наши силы, но и жизнь в борьбе за свободу и честь нашей поруганной Родины. Под сенью этого седого Штандарта пусть вновь возродится наш доблестный, родной полк. Нас здесь собралось 16 офицеров полка. Кому я смел, я написал, призывая прибыть под полковой Штандарт. С сегодняшнего дня я приступаю к формированию полка под его славным историческим именем, которое, если Господь Бог пошлет нам это счастье, полк донесет до того радостного дня, когда на Императорский Российский Престол сядет законный преемник Русских Царей из Дома Романовых. Бог да поможет нам!

Когда говорил подполковник Картавцев, слезы стояли на глазах офицеров, и они всем сердцем переживали историче-

ский момент возрождения их горячо любимого полка в Добровольческой Армии.

6.

1919 год был кульминационным годом успехов Добровольческой Армии. Преодолевая сопротивление красных банд, гоня их перед собой, доблестные добровольческие полки совместно с казаками счистили от большевиков Донскую, Кубанскую и Терскую казачьи области, овладели всей территорией Юга России и выходили на Московскую дорогу, заняв Курск и Орел.

Вскоре после занятия Добровольческой Армией Харькова, Владимиру Соболеву представилась возможность побывать в своем родном городе, недалеко от которого располагалась хозяйственная часть его полка. По мере приближения поезда к городу, волнение Владимира росло: цел ли его родимый дом и жив ли старый Григорий?

Выйдя из поезда, Владимир сел на одного из немногих уцелевших в городе извозчиков и приказал везти себя домой. Проехав несколько улиц, извозчик свернул на так знакомую Владимиру с детства небольшую, тихую улицу, на которой стоял их дом. Вот булочная, где они брали хлеб... Вот угол, где стоял всегда старый извозчик, услугами которого они обыкновенно пользовались... А вот и старый отцовский дом!.. Соскочив с извозчика, Владимир подбежал к дому и позвонил. Через несколько минут дверь открылась и показался совершенно незнакомый человек, который с удивлением смотрел на Владимира.

— Старый слуга Григорий? Не знаю. Сейчас я справлюсь. Анна! — позвал он кого то из глубины квартиры, — вот они справляются об ихнем старом слуге!

Вышедшая на его зов женщина разъяснила, что они живут здесь всего три месяца, а раньше, при большевиках, здесь жил какой-то комиссар. Старый Григорий? Да, она слышала от соседей, что в комнате возле кухни жил какой-то старичок. Он уже с полгода как умер, когда в городе была эпидемия тифа.

Подошедший к разговаривающим сосед подтвердил, что Григорий умер и был похоронен на кладбище сердобольными соседями.

Из своего дома Владимир отправился к особняку Хлюстиных в тайной надежде узнать что-нибудь о Милочке. Но и здесь он не был счастливее: остававшийся в доме старый дворник мог ему только сообщить, что Хлюстины уже давно уехали из города, но куда — он не смог объяснить. Зато от него Владимир узнал о трагической судьбе своего троюродного брата — Николая Хлюстина:

С занятием города "белыми", он не успел бежать из города и скрывался где-то в предместьи. Однажды он был опознан одним из горожан, сын которого был замучен в ЧЕКА, и выдан последним контр-разведке Добровольческой Армии. По приговору полевого суда, Николай Хлюстин был повешен. Так закончил свою жизнь этот беспринципный, подленький авантюрист.

Перед отъездом из города Владимир побывал на кладбище и с трудом разыскал могилу Григория. Могила вся заросла травой, была сильно запущена, с покосившимся простым, деревянным крестом. С чувством глубокой жалости поместился Владимир у могилы старого, верного слуги, которого с детства привык любить и уважать. Взяв у кладбищенского сторожа лопату, он сам расчистил могилу и оставив сторожу денег, просил его поддерживать могилу в порядке.

В тот же день Владимир выехал из города.

Участвуя со своим полком во всех боях Добровольческой Армии, Владимир Соболев испытал с ней до конца и чашу ее испытаний. Вместе с отцом, — который не взирая на свой преклонный возраст, продолжал нести свои обязанности в армии, а когда того требовали обстоятельства, то и брал в свои старые руки винтовку, — Владимир после крушения Армии генерала Врангеля, 1 ноября 1920 года погрузился в Крым на пароход.

С чувством глубокой боли покидали Соболевы последний клочок русской земли, на котором еще вчера развевался трехцветный русский флаг!

Все дальше и дальше отходят берега Крыма... Вот исчезла из глаз и последняя высокая гора, и дальше, насколько только глаз хватает, видны лишь одни мутные волны Черного моря...

В холодный, сырой ноябрьский день остатки Белой Армии высадились на пустынном, неприветливом берегу Галлиполийского полуострова. Среди чинов ее были отец и сын Соболевы.

Выгрузившиеся в Галлиполи части Первого армейского корпуса "железной" рукой своего командира — генерала Кутепова — постепенно приводились в порядок после той деморализации, которая явилась неизбежным следствием военного поражения. Уже через 2-3 месяца части стали неузнаваемы и вновь приобрели свой былой воинский дух и дисциплину.

Оторванный в Константинополе от своей армии, генерал Врангель душою всегда был с ней, и каждый "галлиполиец" живо ощущал постоянную заботу о себе своего главнокомандующего и чувствовал свою с ним духовную связь. Поэтому редкие приезды генерала Врангеля в Галлиполи были всегда

для частей корпуса праздником и отмечались обычно парадами.

В один из таких приездов полки, узнав уже накануне о прибытии своего горячо-любимого Главнокомандующего, старательно готовились к смотру, который на этот раз должен был состояться в присутствии английского и французского военных представителей, которым генерал Врангель хотел показать, что Первый корпус это не "дезорганизованная толпа беженцев", каковой они себе представляли потерпевшие крушение остатки Белой Армии, а стойкая, дисциплинированная воинская часть!

Во всех полках готовились к этому смотру, инстинктивно чувствуя, что от того, какое впечатление он произведет на высоких представителей английского и французского военного командования, — быть может будет зависеть дальнейшая судьба Белой Армии!

Владимир Соболев, командовавший дивизионом Н-ских гусар в сводном кавалерийском полку, в последний раз обошел с командирами эскадронов своих гусар, чтобы проверить, все ли в порядке к смотру. Труды было положено немало, чтобы придать воинский вид разношерстно одетым и оборвавшимся в последних боях гусарам. Где то раздобытая синяя краска "одела" их в однообразные синие "чакчиры" и украсила гимнастерки одинаковыми синими погонами. Сделанные искусной рукой домашнего мастера из жести кокарды и "розетки" на сапоги, напомнили былой вид щеголеватых гусар, а почищенное, за неимением мази, песком, оружие и шпоры ярко блестели на солнце как новые. Те же приготовления шли и во всех других частях корпуса, не желавших "ударить в грязь лицом":

Наконец, наступило утро смотра. Собранные перед своими брезентовыми бараками полки вышли на большой плац между кавалерийским и пехотным лагерями и построились в резервную колонну. Прибывший генерал Кутепов обошел строй, оставшись доволен бравым видом своего корпуса. Наступило томительное ожидание...

Вдруг издалека слышался шум идущих по шоссе из города автомобилей... Не доезжая правого фланга корпуса, машины остановились и из передней машины вышел генерал Врангель в сопровождении своего начальника штаба. За ним следовали английский и французский генералы с адъютантами, несколько греческих офицеров и иностранные журналисты.

Корпус замер, пожирая глазами своего Главнокомандующего... Оркестр грянул встречный марш, и отчетливо слышался рапорт генерала Кутепова...

Стройная, высокая фигура генерала Врангеля, с тонкой талией, затянутой в темно-серую черкеску, его гордая посадка головы, орлиный взгляд, — все обличало в нем "волей Божьей" вождя! Легким, широким шагом проходя мимо строя, генерал Врангель здоровался с полками: "Здорово, орлы!", и не успевал замолнуть громкий ответ, как воздух оглашало громовое "ура" доблестных, закаленных в боях полков, в которых выливалась их преданность обожаемому вождю! Приехавшие иностранные "гости" с удивлением смотрели на эту восторженную встречу, которой они никак не ожидали.

Обойдя части Корпуса, генерал Врангель остановился перед серединой строя и своим зычным, проникающим в души, голосом обратился к полкам с приветственным словом. Генерал Врангель ничего не обещал своим соратникам, — будущее по-прежнему оставалось туманным, — но самое его появление невольно наэлектризовывало и наполняло душу чувством бодрости и веры в своего Главнокомандующего. Вот он закончил свое слово... Вновь громовое "ура" потрясло долину.

Встав с прибывшими гостями на краю поля, генерал Врангель приготовился пропустить полки церемониальным маршем.

Раздались громкие команды. Грянул оркестр, и твердо отбивая шаг, с выравненными как по линейке штыками, прохо-

дят мимо генерала Врангеля легендарные корниловцы в черно-красных погонах, с белыми черепами на рукавах, за ними черно-белые марковцы, малиновые дроздовцы, синие алексеевцы, военные училища... Их сменяют идущие легким, эластичным шагом лихие кавалеристы с обнаженными у плеча шашками...

Это уже не были созданные в ненормальных условиях гражданской войны добровольцы, — это были образцово подтянутые, не уступающие по выправке старым частям Императорской армии, полки!..

С нескрываемым изумлением и восхищением смотрели старые английский и французский генералы на это неподдающееся описанию зрелище и невольно сами вытянулись, отдавая честь проносимым мимо, обвеянным славой русским знаменам...

Вечером того же дня стало известно, что генерал Врангель получил согласие сербского и болгарского правительства на прием контингентов Белой Армии в братские славянские страны.

8.

По приезде в Париж, перед семейством Хлюстиных сразу же встала диллема: как жить?! Правда, еще до большевиков, Александр Иванович успел перевести за границу через Швейцарский банк некоторую сумму денег на свой текущий счет и кое-что из ценностей они смогли спасти и привести с собой, но всего этого было мало и могло хватить, в лучшем случае, только на первое время, и то на самую скромную жизнь. Поэтому надо было подумать о каком-нибудь заработке. Вера Сергеевна по причине плохого состояния ее здоровья, в расчет не входила, не умевший и не привыкший работать и к тому же жалующийся на "расстроенное здоровье" Александр

Иванович — тоже отпадал, а потому заботу эту должна была взвалить на свои слабые плечи Милочка. С энергией, присущей ее молодости, Милочка сейчас же принялась за поиски какой-нибудь работы, обегав всевозможные русские комитеты и организации и выписывая все, маломальски подходящие, предложения из просматриваемых газет. Наконец, после долгих, бесплодных поисков, удача ей улыбнулась, и она нашла себе скромное место продавщицы в одном небольшом модном магазине, где ее привлекательная внешность, прекрасные манеры и безукоризненное знание французского языка произвели самое выигрышное впечатление. Ее, более чем скромный, заработок и составил то дополнение к семейному "бюджету", который позволял Хлюстиным как то относительно прилично, жить при той дороговизне, которая наступила в Париже после войны. Хотя Милочка и очень уставала на своей работе и зачастую морально страдала от той бесцеремонности, которую допускали в отношении продавщиц хозяин и мужской персонал магазина, но все же крепилась, боясь потерять с таким трудом полученное место, так как сознавала, что только на ее слабые силы может рассчитывать семья. Не раз, приходя после утомительного дня домой, Милочка бросалась у себя в комнате на кровать и долго плакала слезами обиды и возмущения, брезгливо вспоминая наглые пристаивания хозяина и своих "коллег" по работе.

Осмотревшись немного в Париже и возобновив кое-какие связи в "либеральных кругах" русской эмиграции, Александр Иванович принял самое интенсивное участие в анти-русской деятельности этих ничему не научившихся "зубров февраля".

Примкнув к кружку Милюкова, группирующемуся вокруг газеты "Последние Новости". Александр Иванович иногда выступал на публичных собраниях в левой эмигрантской среде, организаторы которых пытались кого то "убедить" в том, что не "февральское предательство" послужило причиной гибели тысячелетней Российской государственности, а влияние каких-то мифических "темных сил" на "царское окружение" и "непопулярность" царского правительства, не опиравшегося на "доверие" народа.

Однажды в просторном зале одного из парижских театров, облюбованном этими хулителями Императорской России для своих собраний, должен был состояться цикл популярных лекций на тему о "Психологической неизбежности падения Монархии в России и о тех великих преобразовательных реформах, которые должна была бы принести февральская революция". Одним из главных докладчиков на этом собрании был Александр Иванович Хлюстин.

Взойдя на трибуну и увидя собравшуюся его "жаднсе" слушать большую аудиторию, Александр Иванович почувствовал себя в своей стихии. Упиваясь своим собственным красноречием, прерываемым долгими бурными рукоплесканиями набившихся в зал его единомышленников, Александр Иванович "закусил удила" и в заключение бросил с высоты трибуны рассчитанную на дешевый успех затасканную, грязную, полную низкой клеветы и лжи фразу, порочащую память Царской Семьи... Падкая на дешевый эффект "достойная" аудитория разразилась долго несмолкаемыми бурными аплодисментами и криками выражала свое одобрение оратору и это было для Александра Ивановича как самый сладкий фимиам! С самодовольной улыбкой стоял он на трибуне, едва успевая отвечать на рукопожатия со всех сторон к нему протискивающихся единомышленников, желающих поздравить "талантливого оратора" с блестящим триумфом!

В числе других, из глубины зала твердым шагом направился к нему высокий, с военной выправкой, скромно одетый господин с черной повязкой на голове, закрывающей один глаз. Александр Иванович с самовлюбленной улыбкой "триумфатора" протягивал ему навстречу обе руки...

Резкий, оглушающий звук полновесной пощечины громким эхом раскатился по богатому акустикой залу!

Схватившись за сразу ставшую пунцовой щеку, Александр Иванович, не успев стереть с лица глупой улыбки, растерянно и испуганно смотрел на своего необычного "почтателя".

Последний, спокойно повернувшись, медленно направился, среди замершей и почтительно раступавшейся при его проходе публики, к выходу из зала.

После этого "триумфа" Александр Иванович как то сразу захирел, стал жаловаться дома на недомогание и никуда не выходил.

Как ни скрывал он своего афронта от домашних, но скандал на собрании принял такую широкую гласность, что скоро Милочка, из случайно около церкви услышанного разговора узнала о позоре своего отца и страшно страдала от стыда за него.

9.

Пройдя до конца суровую школу Галлиполи, Соболевы с контингентами Белой Армии прибыли в братскую Югославию, в которой, благодаря заботам искреннего друга России, Короля-рыцаря Александра Первого, русские эмигранты нашли себе уют и кусок хлеба. Первое время Владимир служил в сербской пограничной страже, в которую были приняты, с сохранением своей полковой организации, русские кавалеристы. Потом, с упразднением для русских этой службы, Владимиру пришлось перепробовать ряд других профессий, чтобы как то заработать на скромную жизнь со стариком отцом, с которым он больше не расставался. Все это время Владимир не переставал делать попытки узнать что-нибудь о местопребывании Хлюстиных, но все было напрасно, и ничего нового он не узнал. Правда, еще в Галлиполи, до него в конце концов дошло то письмо, которое Милочка оставила для него перед своим отъездом из Новороссийска, но из письма Владимир узнал только, что Хлюстины уезжают за границу, но куда — оставалось по прежнему неизвестным.

Но однажды, прочитывая одну из парижских русских га-

зет, Владимир наткнулся на коротенькую заметку, сообщавшую о имевшей состояться в Париже лекции, на которой должен был выступить с докладом А. И. Хлюстин.

Найденный таким образом след Милочки нарушил покой Владимира, и его стало неудержимо тянуть в, до того для него мало привлекательный Париж! Это его настроение совпало и с получением письма от однополчанина, ротмистра Горелова, в котором последний настойчиво звал его переехать в Париж, где к тому времени уже собралась наиболее многочисленная группа однополчан.

Подумав немного, Владимир решил посоветоваться с отцом, боясь, что для старика быть может будет тяжело сделать такое далекое путешествие. Однако, Павел Александрович, отлично понимая переживания своего сына, не только не отговаривал его от этой поездки, но, наоборот, сам посоветовал перебраться во Францию, тем более, что в Югославии стало в то время труднее с работой.

Собрав немного денег и получив через Горелова "сертификат", обеспечивающий прием Владимира на завод "Рено" в Париже, Соболевы пустились в путь.

Когда они прибыли в Париж, то были встречены на вокзале однополчанами, которые помогли им устроиться в небольшом, скромном отельчике, вблизи завода "Рено".

Отдохнув немного с дороги, Владимир, снабженный всеми указаниями и советами Горелова, отправился на завод заниматься на работу.

Так началась для Соболевых их новая жизнь в чужом, незнакомом городе.

10.

В ближайшее же, по приезде в Париж воскресенье, Влади-

мир отправился в русский православный храм, в тайниках своей души питая надежду если не встретить там Милочку, то во всяком случае узнать ее адрес.

Войдя в ограду церкви и пробираясь через скопившуюся перед входом громко разговаривавшую густую толпу, Владимир, еще не видя Милочки, инстинктивно почувствовал ее присутствие.

Действительно, в этот самый момент в нескольких десятках шагов от него, поднимавшаяся по ступенькам паперти Милочка остановилась, чтобы подать милостыню безногому инвалиду-нищему.

Милочка мало изменилась за то время, что Владимир ее не видал, только немного похудела, и взгляд ее больших глаз был не таким жизнерадостным, как когда то, в счастливые время ее ранней юности.

Одета она была в серый, прекрасно облежавший ее тоненькую фигурку, английский "тайер", который ей очень шел.

— Милочка! — не мог сдержать своего громкого радостного оклика Владимир, чуть не бегом устремляясь к ней.

Милочка вздрогнула и оглянулась.

— Господи, Владимир! — только и могла она произнести и очутилась в его сильных объятиях.

Привычная к сценам неожиданных радостных встреч около храма публика не обращала на них никакого внимания.

Выйдя из толпы и отойдя в сторону, они стояли, все еще держась за руки и пожирая друг друга глазами.

— Вот я и нашел Вас, Милочка, и уже теперь ни за что не потеряю! — любовно глядя Милочке в глаза, говорил Владимир, весь под впечатлением этой радостной встречи.

— Боже мой, Владимир, если бы Вы только знали, как я

за вас все это время беспокоилась, не зная даже, живы ли Вы и где Вы! Я Вам оставила перед отъездом за границу письмо. Получили ли Вы его?

Голос Милочки от переполнявшего ее чувства счастья дрожал, и ее глаза сияли как две звездочки.

После первых бессвязных слов, в которых вылилась охватившая обоих радость, Милочка смогла, наконец, рассказать более последовательно о своей жизни за все то время, что они не виделись, и сообщить, что ее родители живы и живут с ней.

В свою очередь, и Владимир вкратце познакомил ее со своей длинной "Одиссеей" и поделился своими переживаниями и надеждами на будущее.

Не зная, известны ли Милочке подробности страшной судьбы ее брата, Владимир подыскивал слова, как бы ей мягче сообщить о его смерти. Чуткая Милочка, инстинктивно догадываясь о том, о чем он ей не договаривал, грустно опустила голову и приложив платочек к своим наполненным слезами глазам, тихо прошептала:

— Несчастный Николай! Да простит Господь Бог его грешную душу, но он видно заслужил свою страшную судьбу!

Войдя в церковь, Милочка опустилась на колени перед иконой Богоматери, долго проникновенно молилась и вышла из храма с заплаканными глазами, но просветленной душой. Родителям своим она решила покамест ничего не говорить о смерти Николая, думая их к этому постепенно подготовить.

Прощаясь с Владимиром, Милочка условилась с ним, что в следующее воскресенье он навестит ее семью дома.

11.

Чувства и стремления Владимира раздваивались и он

сильно от этого страдал. С одной стороны, его неудержимо влекло к Милочке, и он уже почти решил, что она должна быть его женой, — с другой стороны, он не мог перебороть своей глубокой антипатии к ее отцу, которая особенно усилилась после того, как ему стал известен приобретший печальную славу инцидент с Александром Ивановичем на публичной лекции. Поэтому он не мог себя заставить продолжать бывать у Хлюстиных, и его встречи с Милочкой стали затруднительнее и реже.

Со своей стороны и Александр Иванович, после полученного оскорбления, не мог без "скрежета зубов" видеть представителей враждебного ему "мира" — то есть офицеров, и при появлениях у него в доме Владимира, демонстративно показывал свое неудовольствие.

Бедная Милочка очень страдала от такого положения вещей и со страхом ожидала, чем это кончится, не видя никакого выхода из этого положения.

Вскоре после первой встречи с Владимиром, Милочка выразила желание навестить Павла Александровича, и в одно из воскресений, после церкви, они отправились к старику, который редко выходил из дому. С первого же раза Милочка очаровала Павла Александровича своей приветливостью, естественной грацией, а главное — своим нескрываемым сильным чувством к Владимиру, которое сквозило в каждом ее слове, в каждом взгляде, и скоро они "подружились". С тех пор Милочка изредка навещала старика, и он всегда искренно радовался ее приходу.

Владимир очень мучился, не зная, что ему делать. Встречаться с Милочкой только урывками, в церкви или на улице — его не удовлетворяло. Бывать же в доме у Хлюстиных он не хотел, а самая мысль о необходимости обратиться к Александру Ивановичу с просьбой о руке его дочери, — казалась ему прямо нестерпимой. Павел Александрович отлично понимал, что творится в душе его сына, и от всего сердца сочувст-

вовал ему, находя, что лучшей подруги жизни, чем Милочка, — Владимиру не найти.

Так шли дни, полные для Владимира терзаний и нерешительности.

Тем временем Александр Иванович Хлюстин списался со своим прежним "протезе" — Митрофаном Ивановичем Лобовым, который, находясь в Берлине и располагая довольно значительными средствами, вел какие-то крупные дела и решил по его совету тоже переехать в Германию. Переезд этот его очень устраивал и сулил известные выгоды. Во-первых, после инцидента на лекции, он не прочь был бы покинуть Францию, а во-вторых, Лобов предлагал ему войти в его дело, что открывало Александру Ивановичу некоторые перспективы. В этих соображениях занимала место и Милочка, которую ему очень хотелось бы видеть женой Лобова. Но об этом последнем аргументе он, впрочем, решил пока ничего не говорить семье. Известие об отъезде из Парижа больно отозвалось в сердце Милочки, при мысли о необходимости опять расстаться с Владимиром. Когда она сообщила Владимиру эту новость, это было для него как удар обухом по голове! Опасность потерять Милочку, однако, положила конец всем его колебаниям, и он решил ни в коем случае не допустить ее отъезда и немедленно жениться на ней.

Когда он рассказал об этом отцу, Павел Александрович задумался, потом решительно сказал:

— Вот что, Володя! Вы с Милочкой любите друг друга. Лучшей жены тебе не найти. Конечно, породниться с Хлюстиными — не велика честь, но Милочка не ответчица за отца, а девушку жаль — с таким отцом она пропадет. Неспроста едет этот аферист туда, где находится претендент на Милочкину руку — Лобов. Это дело надо хорошенько обмозговать. Конечно, сомнений быть не может, что старый Хлюстин откажет тебе в руке Милочки — это ясно, как день, а все же попробовать надо. Жаль только, что времени у нас остается мало!

Однако, судьба шла им навстречу. Александр Иванович Хлюстин, хорошенько обдумав, решил ехать в Германию сперва один, а осмотревшись там, наладив свои дела и подыскав квартиру, — выписать жену и дочь. Покончив все хлопоты, он наконец уехал.

Встретившись с Милочкой после отъезда Александра Ивановича, по обыкновению в церкви, Владимир решил, не откладывая, объяснить с ней. Предложив ей после церкви прогуляться, он начал свое, давно задуманное, объяснение:

— Милочка, — сказал он, — любовно глядя ей в глаза и нежно прижимая к груди ее просунутый под его руку локоть. — Милочка, вы, конечно, знаете и верите, что я Вас давно люблю и не могу себе представить своей жизни без Вас. Я не могу Вам ничего предложить, кроме моей бесконечной к вам любви и преданности. Если Вам этого достаточно, если Вы согласны разделить со мной мою жизнь, — будьте моей женой!

Когда он произносил эти слова, он чувствовал, как дрожит рука Милочки в его руке. В глазах ее, полных ответного чувства, он прочел такую нежную любовь, что на сердце у него сразу стало легко и радостно.

— Владимир, — сильно волнуясь, начала Милочка, — я думаю, Вы и сами знаете, что я Вас тоже горячо люблю, но я боюсь, что папа ни за что не согласится на наш брак. Я даже боюсь ему об этом сказать, и прямо не знаю, что и делать, а теперь еще он нас с мамой, наверно скоро выпишет в Берлин!

На обратном пути Владимир предложил Милочке зайти поделиться их счастьем с Павлом Александровичем и посоветоваться с ним. Растроганно выслушал старик сообщение любимого сына, прижал их обоих к своему сердцу и решительно

сказал, что он сам поедет завтра к Вере Сергеевне "сватом" и посмотрит, как она посмеет ему отказать!!!

Тем временем Вера Сергеевна получила письмо от мужа, в котором он ей сообщал, что встретился с Митрсфаном Ивановичем Лобовым, который был с ним очень мил и любезен и сделал ему очень заманчивое деловое предложение и, "представь себе, — конфиденциально добавлял Александр Иванович, — видно "старая любовь не ржавеет", и Лобов очень прозрачно намекнул, что был бы счастлив, если бы заслужил доверие и расположение Милочки". Александр Иванович прибавил от себя, что считает эту партию для Милочки очень подходящей, а потому он дал уже "а priori" Лобову свое согласие. В конце письма он сообщал, что уже присмотрел для семьи подходящую квартиру в Берлине, так что думает, что в конце месяца они смогут выехать из Парижа.

Прочтя письмо мужа, Вера Сергеевна мысленно согласилась с ним, находя, что все складывается как нельзя более удачно. О том, что у Милочки на этот счет может быть другое мнение — этой подборнице "женского равноправия" как-то не пришло в голову!

Неожиданный приход Павла Александровича Собслева нарушил течение мыслей Веры Сергеевны, и она выжидательно посмотрела на него. Вид у старого бравого подполковника был очень торжественный и многозначительный. Поцеловав руку Веры Сергеевны и сев по ее предложению, в кресло против нее, Павел Александрович прокашлялся и твердым голосом начал свою, заранее заготовленную речь:

— Вера Сергеевна, хотя мы с Вами и состоим в дальнем родстве со стороны моей покойницы, но наши жизни всё как-то расходились, и между нами не было, так сказать, близкой родственной связи, а вот наши дети, как будто, ближе нас с Вами друг к другу подошли и между ними возникло сильное чувство, которому мы можем только радоваться. Конечно, Володя не миллионер, но он зарабатывает достаточно, чтобы иметь, так сказать, право свить свое гнездо. Я и пришел к

Вам, чтобы от его имени просить у Вас руки Вашей дочери — Милочки!

Выговорив эту длинную тираду, бедный подполковник от напряжения и волнения даже вспотел и вытирал лоб вынутым носовым платком.

Считавшая "хорошим тоном" не проявлять открыто своих чувств, Вера Сергеевна продолжала спокойно сидеть на своем месте. Подумав немного, она ответила подполковнику, что очень благодарит его за оказываемую предложением честь, но что предложение это является не только неожиданным, но и несколько запоздавшим, так как она только что получила письмо от мужа, в котором он сообщает, что Милочкиной руки просит их старый знакомый, очень положительный человек — господин Лобов, и Александр Иванович уже дал ему свое согласие.

— А Милочка-то согласна на это предложение?! — вскочив со своего места, вскричал старый подполковник, — ее-то Вы уже спросили об этом?

Вера Сергеевна пожала плечами.

"Нет, — ответила она, — я еще не говорила с ней, но я не вижу основания для ее отказа. Лобов — это очень хорошая партия.

— И это говорите Вы, Вера Сергеевна, Вы, такая сторонница права каждой женщины на устройство своей собственной судьбы?!

Сильно волнуясь, Павел Александрович уже почти кричал, шагая из угла в угол.

— Лобов — хорошая партия, и этим все сказано, а любит ли его Милочка, Вы даже не поинтересовались узнать!!!

— Милочка! — позвала Вера Сергеевна, услышав шаги

дочери в другой комнате. — Милочка, отец пишет, — сказала она, показывая на полученное письмо, — что Митрофан Иванович Лобов делает нам честь и просит твоей руки. Что ты ответишь отцу?

Из глаз Милочки брызнули слезы.

— Ни за что! — вскрикнула она. — Я его ненавижу! Лучше смерть!.. и захлебываясь в слезах, она упала в кресло, закрывая лицо платком.

Вера Сергеевна при таком взрыве отчаяния дочери, растерялась и бросилась к ней.

— Ну что ты, Милочка, никто ведь тебя не неволит. Тебя только спрашивают, и никто не будет тебя принуждать выходить за того, за кого ты не хочешь! Мы живем, слава Богу, не во времена Домостроя!

Тронутая отчаянием Милочки, Вера Сергеевна нежно гладила ее по голове, стараясь успокоить. Постепенно успокаиваясь, Милочка взяла руку матери и нежно ее поцеловала.

— Мамочка, — чуть слышно прошептала она, — я люблю Владимира, и буду только его женой. Помогите нам!

У Веры Сергеевны под наружным холодком, все-таки билось мягкое материнское сердце. Поцеловав Милочку, она обещала ей, что не будет препятствовать ее счастью и сама напишет отцу.

Получив письмо жены, в котором она извещала его, что Милочка наотрез отказалась быть женой Лобова и что она любит Владимира Соболева, который официально просит ее руки, — Александр Иванович чуть не заболел от досады и злости и ответил Вере Сергеевне, что Милочка совершеннолетняя и может поступить как хочет, но что он никогда не даст своего согласия на этот брак, которому он не сочувствует. А потому, если Милочка все же, вопреки его воле, выйдет за Соболева, — то пусть забудет, что у нее есть отец!

Конец третьей части.

Э П И Л О Г

Подходя к концу своего повествования о жизни и судьбе семей Соболевых и Хлюстиных, я не могу избежать "банального" финала, составляющего принадлежность каждого романа с, так называемым, "счастливым концом" — а именно свадьбы.

В одно из воскресений прихожане русского храма в Париже были свидетелями торжественного обряда венчания Владимира Соболева и Милочки Хлюстиной. Четыре однополчанина Владимира были их шаферами.

Милочка в своем белом подвенечном платье с длинной фатой, которая красиво оттеняла тонкие черты ее лица, была трогательно хороша и вся сияла неподдельным счастьем, и глаза присутствующих с восхищением были обращены на нее. Стройная фигура Владимира в темном костюме и его выразительное, мужественное лицо как нельзя лучше гармонировало с нежной красотой его невесты, и по общему признанию более подходящей друг к другу пары нельзя было бы и сыскать!

Скромное свадебное торжество было организовано в новой небольшой квартирке молодых Соболевых, и на нем присутствовала, видимо тронутая счастьем своей дочери, Вера Сергеевна, которая даже отложила по этому случаю свой отъезд в Берлин.

Павел Александрович прямо сиял от радости за сына и, подмигивая шаферам, то и дело кричал "горько"!

Александр Иванович остался непреклонным и даже не подозревал дочь с бракосочетанием. Как писала впоследствии дочери Вера Сергеевна, он, после "дерзкого непослушания дочери", а особенно после того, как узнал о трагической смерти сына, сильно захандрил и совсем опустился. Впрочем, в последнее время он как будто опять прибодрился и воспрянул духом, так как ему удалось установить "контакт" с Керенским и обменяться с ним несколькими письмами, из которых выяснилось, что они вполне сходятся в отношении некоторых "ценных" соображений, касающихся будущего России, и Александру Ивановичу даже было полуобещано получение в будущем "кабинете" Керенского "портфеля" если не министра, то во всяком случае, товарища министра...

Тихо и скромно протекала жизнь Владимира с горячо-любимой женой. Все свое свободное время он отдавал семье и своим полковым товарищам, которые часто собирались "на огонек" в гостеприимном доме Соболевых. Павел Александрович продолжал жить у сына, где у него была своя маленькая комнатка, стены которой он любовно украсил портретом Государя, полковыми фотографиями и парой своих гусарских полковничьих погон.

В Париже, где оказалась наиболее значительная часть офицеров Н-ского гусарского полка, было основано "Полковое объединение Н-ского гусарского полка", председателем которого был старейший из офицеров — полковник Павел Александрович Соболев. Председатель ревностно выполнял свои обязанности, объединив офицеров в одну дружную полковую семью, твердо поддерживая в ней старые полковые традиции.

Живя с сыном и невесткой, Павел Александрович все больше и больше привязывался к Милочке, которую полюбил как родную дочь.

Ласково глядя ее по голове, он шутя говорил ей:

— Ну вот, Милочка, теперь ты совсем наша — Соболевская. Тут тебе место, а не у Хлюстиных!

Милочка тоже привязалась к старику и ухаживала за ним с трогательной заботливостью.

Когда же через год у Милочки родился крепкий здоровый сын, в честь деда названный Павлом, — то радости старого полковника не было границ! Целыми днями он мог возиться и нянчиться с внуком, и мальчик как бы чувствуя его любовь к себе, тоже тянулся к деду и успокаивался только на его руках.

— Ну вот, — говорил старый полковник, любовно целуя внука, — растет у нас новое поколение Соболевых. Даст Бог, воскреснет наша Святая Русь и вернется на Императорский Трон законный преемник Царей Православных. Вот подрастет к этому времени новый представитель рода Соболевых и продолжит он тот же путь, которым шли несколько поколений Соболевых, а путь этот всегда был путем долга и чести: — ЗА ВЕРУ, ЦАРЯ И ОТЕЧЕСТВО!

К О Н Е Ц.

TALLERES GRAFICOS
ANTON
PARANA 1017 • BS. AIRES

